

Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301>]

[Публикация работы:]

2011: Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим. Методические указания по самостоятельной подготовке для студентов I курса бакалавриата направления «История» / В.В. Дементьева и др. (сост.). Ярославль.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

**КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА.
Ч. II. ГРЕЦИЯ И РИМ**

**Тема VII.
ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ГЕГЕМОНИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ**

*Методические указания по самостоятельной подготовке
для студентов I курса бакалавриата
направления «История»*

Составители: Е.С. Данилов, В.В. Дементьева

Ярославль 2011

Тема 7. ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ГЕГЕМОНИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

- 1. Борьба Рима с Карфагеном. I Пуническая война.**
- 2. II Пуническая война.**
- 3. Подчинение Риму Македонии и Греции. Сирийская война.**
- 4. III Пуническая война. Разрушение Карфагена. Причины побед Рима в III- II вв. до н.э.**

Основная учебная литература:

1. Буданова В.П., Токмаков В.Н., Уколова В.И., Чаплыгина Н.А. Древний Рим. Учебное пособие для вузов. М., 2006.
2. История Древнего Рима: Учебник / Под ред. В. И. Кузищина. 4-е изд. М., 2000.
3. Ковалев С. И. История Рима / Под ред. Э. Д. Фролова. М., СПб., 2006.

Дополнительная литература:

1. Бобровникова Т.А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001.
2. Бобровникова Т.А. Сципион Африканский: Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 2009.
3. Горьков С.Ю. Рим и Карфаген: великая морская война. М., 2003. 350 с.
4. Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220-146 гг. до н.э. М., 1993.
5. Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 142-207.
6. Кораблев И. Ш. Ганнибал. М., 1981.
7. Лиддел Харт Б. Сципион Африканский. Победитель Ганнибала. М., 2003.
8. Ревяко К. А. Пунические войны. Минск, 1988.
9. Ревяко К. А. Войны Рима с Карфагеном: основные тенденции и направления историографии Минск, 2000.
10. Родионов Е. Пунические войны. СПб., 2005.
11. Сикорский Я. Канны, 216 г. до н.э. М., 2002.
12. Тимахович Ю.Н. Сципионы: Знаменитые полководцы Рима. М., 2005.
13. Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., 1986.

Охарактеризуйте государство, созданное карфагенянами: его территория, экономическое развитие, политическое устройство, армия. Назовите повод к началу военных действий между Римом и Карфагеном. Расскажите о создании римского флота и использовании тактики абордажных мостков.

Битва у г. Милы. Назначение карфагенянами Гамилькара Барки полководцем в Сицилию. Битва у Эгатских островов. Заключение мира, его условия.

Переходя ко второму вопросу, расскажите о восстании карфагенских наемников. Изложите следующие события: перенесение военных действий в Испанию, начало командования Ганнибала, взятие им г. Сагунта. Рассмотрите военные действия II Пунической войны: Вторжение в Италию с севера. Битва при Требии, сражение у Тразименского озера (карта 4). Тактика Квинта Фабия Максима. Битва при Каннах (карта 5). Взятие Римом Сиракуз, Тарента, Капуи. Действия Публия Корнелия Сципиона в Испании и Северной Африке. Битва при Заме (карта 6). Заключение мирного договора 201 г. до н. э. и его условия.

Изложение третьего вопроса начните с первой войны Рима с Македонией и заключения союза с Филиппом V. Остановитесь на создании антимакедонской коалиции и обращении союзников за помощью к Риму. Предъявление Римом ультиматума Филиппу V и начало II Македонской войны. Поражение Филиппа в битве при Киноскефалах (карта 8) в Фессалии и заключение мирного договора (назовите условия мира). Обратите внимание на столкновение в Греции интересов Рима и державы Селевкидов. Прием Антиохом III Ганнибала и план борьбы с Римом. Балканская кампания, битва при Фермопилах, бегство армии Антиоха III, уплата контрибуции и сокращение флота державы Селевкидов, расправа с союзниками Антиоха. III Македонская война. Битва при Пидне (карта 10), разгром македонян и их союзников. Уничтожение македонского государства, создание на его территории римской провинции. Война против римлян греческих городов во главе с Коринфом. Поражение греков. Превращение Греции в провинцию Ахайя.

Последний вопрос охватывает подготовку римлян к новой войне с Карфагеном, повод к ней и военные действия. Опишите осаду и штурм Карфагена, деятельность Сципиона Эмилиана (карта 11). Разрушение Карфагена, включение его территории в провинцию Африка. Превращение Рима в гегемона всего Средиземноморья.

Сформулируйте причины побед Римского государства. Как вы понимаете утверждение исследователей о том, что Рим победил вследствие своей отсталости?

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ГЕГЕМОНИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ»

Первая Пуническая война

Полибий. Всеобщая история. Книга I. Пер. Ф.Г. Мищенко.

20. Вслед за покорением Акраганта многие материковые города перешли на сторону римлян в страхе перед их сухопутными силами, зато большее еще число городов прибрежных отложилось от них из страха перед карфагенским флотом. По этой причине пере-

вес в войне, как становилось для них яснее с каждым днем, клонился то на одну, то на другую сторону; кроме того, римляне видели, что Италия подвергается частым опустошениям от карфагенского флота, тогда как Ливия остается совершенно невредимою. Вот почему они решили померяться силами с карфагенянами и на море. Поэтому-то я и остановился подольше на этой войне, дабы выяснить в самом начале, каким образом, когда и по каким причинам римляне впервые вступили на море. Они видели, что война затягивается и истощает их, а потому в первый раз теперь принялись за сооружение судов в числе ста пятипалубных и двадцати трехпалубных. Но так как для сооружения пятипалубных судов не было опытных строителей, ибо в то время никто в Италии таких судов не употреблял, то предприятие это поставило римлян в большое затруднение. Но здесь-то и можно видеть со всею ясностью величие духа римлян и отвагу в начинаниях. Действительно, не имея средств к морской войне не то что значительных, но каких бы то ни было, никогда раньше не помышляя о морских завоеваниях и впервые задумав это теперь, они принялись за дело с такою уверенностью, что решились тотчас, еще до испытания себя, померяться в морской битве с теми самыми карфагенянами, которые со времен предков их неоспоримо владычествовали на море. Подтверждением только что сказанного мною о необычайной отваге римлян может служить следующее: когда они в первый раз задумали переправить свои войска в Мессену, у них не было не только парусных кораблей, но длинных судов вообще и даже ни одной лодки; пятидесятивесельные суда и трехпалубные они взяли у тарантян и локров, а также у элейцев и жителей Неаполя и на них смело переправили войска. В это время на римлян в проливе напали карфагеняне; один палубный неприятельский корабль в порыве усердия бросился вперед, очутился на берегу и попал в руки римлян: по образцу его римляне и соорудили весь свой флот, так что, очевидно, не будь такого случая, они при своей неопытности не могли бы выполнить задуманное предприятие.

21. Пока одни заняты были возложенным на них сооружением судов, другие собирали команду и на суше обучали ее гребле следующим образом: они посадили людей на берегу на скамьи в том самом порядке, в каком они должны были занимать места для сидения на судах, посередине поставили келевста и приучали их откидываться всем разом назад, притягивая руки к себе, а потом с протянутыми руками наклоняться вперед, начинать и кончать эти движения по команде келевста. Когда люди были подготовлены, римляне спустили на море едва конченные корабли, а после кратковременных серьезных упражнений суда направились по приказанию консула вдоль Италии. Дело в том, что вождь римского флота Гней Корнелий отдал приказ корабельным начальникам плыть по снаряжении кораблей к проливу, а сам с семнадцатью судами за несколько дней раньше пошел в Мессену, чтобы принять необходимые меры к приему флота. Когда представился случай овладеть городом липарян с помощью измены, Гней Корнелий слишком легковечно понадеялся на это и, отплыв с помянутыми выше кораблями, пристал к самому городу. Получив известие об этом в Панорме, военачальник карфагенян Ганнибал отправил сенатора Боодеса с двадцатью кораблями. Подошедши сюда ночью, Боодес запер в гавани флот Гнея. На рассвете команда решила бежать на сушу, а оробевший Гней не знал, что делать, и сдался неприятелю. Имея в своих руках неприятельские корабли и начальника их, карфагеняне тотчас возвратились к Ганнибалу. Несколько дней спустя, когда несчастье Гнея было еще свежо и памятно, Ганнибал едва не стал жертвою подобной же ошибки. Он слышал, что римский флот, идущий вдоль Италии, уже близко; желая точнее узнать численность и вообще расположение сил неприятеля, Ганнибал пустился в море с пятьюдесятью кораблями. Он обогнул уже оконечность Италии, как столкнулся с неприятельским флотом, который шел в стройном порядке: большую часть своих кораблей он потерял, а с остальными успел бежать, хотя не имел уже никакой надежды на спасение.

22. По прибытии к Сицилии римляне узнали о поражении Гнея, тотчас послали за Гаем Билием, начальником сухопутных войск, и поджидали его. Вместе с тем они стали готовиться к морскому бою, когда получили весть, что флот неприятельский недалеко. Так как корабли римлян вследствие дурного устройства были неловки в движениях, то на

случай битвы придумано было кем-то следующее приспособление, в позднейшее время называвшееся вороном: на передней части корабля утверждался круглый столб в четыре сажени длиною и в три ладони в поперечнике, с блоком наверху. К столбу прилажена была лестница, подбитая с помощью гвоздей поперечными досками в четыре фута ширины и в шесть сажень длины. В дощатом основании лестницы было продолговатое отверстие, которым лестница и накладывалась на столб в двух саженьях от начала ее; по обоим продольным краям лестницы сделаны были перила вышиною до колен. На конце столба прикреплено было нечто наподобие железного заостренного песта с кольцом наверху, так что все вместе походило на орудие хлебопека; через кольцо проходил канат, с помощью которого во время схватки судов ворон поднимался на блоке и опускался на палубу неприятельского корабля спереди или с боков, когда во избежание бокового нападения нужно было повернуть корабль в сторону. Как только вороны пробивали палубные доски и таким образом зацепляли корабли, римляне со всех сторон кидались на неприятельское судно, если сцепившиеся корабли стояли бок о бок; если же корабли сцеплялись носами, тогда воины переправлялись по самому ворону непрерывным рядом по двое. При этом шедшие во главе воины держали щиты перед собою и отражали удары, направляемые с фронта, а следующие за ними опирались краями щитов о перила и тем ограждали себя с боков. Сделав такого рода приспособления, римляне выжидали благоприятного момента для морской битвы.

23. Как скоро Гаий Билий узнал о неудаче, постигшей вождя морских сил, он передал сухопутное войско трибунам, а сам отправился к флоту, здесь получил известие об опустошении неприятелями Милейской области, и отплыл со всеми кораблями. При виде этого карфагеняне, преисполненные презрения к неопытности римлян, с радостью и поспешностью спустили на море сто тридцать кораблей, которые все носами вперед пошли навстречу неприятелю; карфагеняне не находили даже нужным соблюдать боевой порядок и шли как бы на верную добычу. Флотом их командовал Ганнибал. Он ночью тайком вывел свое войско из Акраганта и шел на пятипалубнике, некогда принадлежавшем царю Пирру. По мере приближения карфагеняне замечали на передних частях всех кораблей поднятые вороны; сначала они недоумевали и удивлялись никогда невиданным орудиям. Наконец, движимые пренебрежением к врагу, первые корабли смело открыли сражение. Во время схватки суда каждый раз сцеплялись с помощью описанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону, и бой происходил на палубах. Часть карфагенян была истреблена, другие в ужасе сдавались неприятелю сами, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной. Таким образом, карфагеняне потеряли те тридцать кораблей вместе с командою, которые начали сражение; вместе с ними захвачено и судно начальника. Сам Ганнибал неожиданно для себя и с великою опасностью убежал в челноке. Остальное войско карфагенян продолжало путь, как бы собираясь напасть на врага, но по мере приближения оно узнавало об участи, постигшей передние корабли, а потому уклонялось от боя и спасалось от ударов орудий. Рассчитывая на быстроту своих кораблей, карфагеняне надеялись оградить себя от ударов, если будут заходить сбоку и с кормы неприятельских кораблей. Но орудия поворачивались во все стороны и направлялись на них отовсюду, так что приближающиеся корабли непременно сцеплялись с римскими, пока, наконец, карфагеняне, уstraшенные необычайным способом битвы, не бежали, потеряв пятьдесят кораблей.

Вопросы по тексту источника:

1. Какие типы морских судов упоминает Полибий?
2. Кто снабдил римлян судами для высадки на Сицилию?
3. Сколько палуб, согласно Полибию, было у первых римских боевых кораблей?
4. Какие имена римских флотоводцев приводит Полибий?
5. Какими новшествами отличались римские корабли от карфагенских?

II. 1. Подчинив и усмирив Италию, римский народ, имевший от роду 500 лет, вырос и возмужал. И если есть на свете сила и молодость, то он, поистине сильный и молодой, стал соперником всему миру. (2) Народ, который в течение пяти веков сражался у себя дома — так трудно было стать главою Италии, — в течение последующих двухсот лет с победами прошел по Африке, Европе, Италии и, наконец, по всему миру. II. 2. Победив Италию, римский народ дошел до пролива и остановился, подобно огню, который, опустошив пожаром встречные леса, постепенно затихает, натолкнувшись на реку. (2) Вскоре он увидел вблизи богатейшую добычу, каким-то образом отторгнутую, словно оторванную от Италии. Он воспытал страстным стремлением к ней, а поскольку ее нельзя было привязать ни насыпью, ни мостами, решил, что ее следует взять силой и присоединить к материку с помощью войны. (3) А тут как раз представился случай, будто сам рок указывал путь: Месеана, союзное сицилийское государство, стало жаловаться на обиды со стороны карфагенян. Сицилии помогали как римлянин, так и карфагенин. Равные в своих стремлениях и силах, они одновременно помышляли о власти над миром. (4) И вот под видом помощи союзникам, а на деле из-за того, что вводила в соблазн добыча, хотя и пугала новизна предприятия, этот грубый, этот пастушеский и поистине сухопутный народ показал (а уверенность в своих силах у него была), что отважным воинам неважно, как и где сражаться: на конях или на кораблях, на суше или на море. (5) При консуле Аппии Клавдии римский народ впервые вступил в пролив, пользовавшийся дурной славой из-за мифических чудовищ и яростный из-за бурного течения. Но он был настолько бесстрашен, что принял в дар само неистовство низвергающихся волн. [6] Он разбил Гиеронасиракузца с такой быстротой, что тот сам утверждал, будто увидел себя побежденным раньше, чем заметил врага. (7) При консулах Дуиллии и Корнелии римский народ отважился вступить в морское сражение. Залогом победы была тогда сама быстрота сооружения флота. Ибо через 60 дней после того, как был срублен лес, флот из 160 кораблей стоял на якоре, так что казалось, будто не искусство людей, а дар богов превратил деревья в корабли. (8) Восхищения достоин ход сражения, когда быстрые, как бы летавшие по волнам корабли врагов окружались нашими тяжеловесными и неуклюжими судами. (9) Карфагенинам не помогла морская опытность — умение ломать весла и искусно избегать ростры. Ибо железные крючья и мощные сооружения, до схватки многократно осмеянные врагом, заставляли его сражаться как на суше. Римский народ, потопив и обратив в бегство вражеский флот, одержал победу у Липары и отпраздновал свой первый морской триумф. (10) Радость была такова, что полководец Дуиллий не удовлетворился однодневным торжеством, но опраивал его всю жизнь, приказав, чтобы после обеда перед ним всякий раз несли факелы и играли флейты. (11) По сравнению с такой победой захват врагами консула Корнелия Азины показался незначительным ущербом. Его пригласили якобы на переговоры и убили — образец пунийского вероломства! (12) При диктаторе Калатине римский народ изгнал почти все гарнизоны пунийцев из Агринтента, Дрепан, Панорма, Эрика и Лилибея. (13) Однажды мы все же дрогнули у Камеринского леса, но благодаря выдающейся доблести военного трибуна Кальпурния Фламмы уцелели. С отборным отрядом в 300 человек он захватил холм, занятый врагами, и удерживал противника до тех пор, пока все войско не выбралось из окружения. [14] Благодаря великолепному исходу сражения Кальпурний сравнился славой с Фермопилами и Леонидом и даже оказался блистательнее, ибо то, что уцелело от столь великого похода, не позволяет ничего написать кровью. (15) При консуле Луции Корнелии Сципионе, когда Сицилия уже была пригородной провинцией, римский народ перебравшись, распространяя войну вширь, на Сардинию и прилегающую к ней Корсику. (16) В первой он устрасил местных жителей разрушением Ольвии, во второй — города Алерии и столь успешно очистил от карфагенян сушу и море, что для победы уже не оставалось ничего, кроме самой Африки. (17) Под командованием Марка Атилия Регула война переплыла в Африку. Нашлись такие, кто потерял храбрость от од-

ного упоминания о Пунийском море и его ужасах; особенно увеличил боязнь трибун Наутий. Обнажив секиру, Регул под страхом смерти добился от него повиновения и достойного выхода в море. (18) Наконец, поспешили на всех парусах, и при виде врагов пунийцев охватил такой ужас, что Карфаген едва не был взят при открытых воротах. (19) Прологом войны была Клипея: она первая выдается у пунийского берега как крепость и обзорный пункт. И Клипея, и триста оборонительных сооружений были опустошены. (20) Сражались не только с людьми, но и с чудовищами. Змея удивительной величины, рожденная словно для отмщения за Африку, беспокоила лагерь, расположенный у Баграда. (21) Победитель Регул добился того, что само его имя повсеместно внушало страх. Он перебил или заточил в оковы большую часть молодежи и самих полководцев, отправил в Рим флот, нагруженный огромной добычей и уже готовый к триумфу. После этого он начал осаду самого источника войны — Карфагена и подступил к его воротам. (22) Тут воинское счастье повернулось в сторону римлян, но лишь настолько, чтобы умножились знаки римской доблести, величие которой почти всегда выявляется в бедствиях. (23) Враги обратились за внешней помощью. Лакедемон послал к ним полководца Ксантиппа, и муж, опытейший в военном искусстве, побеждает нас. Позорное поражение, не ведомое ранее римлянам: живым попал в руки врагов храбрейший полководец. Но он стойко выдержал такое бедствие и не был сломлен ни пунийский тюрьмой, ни тем, что карфагеняне использовали его для переговоров с Римом. (24) Естественно, что его мнение было противоположно тому, что поручал враг: он был против заключения мира и обмена пленниками. (25) И величие Регула не было обесславлено ни добровольным возвращением к врагам, ни жесточайшим наказанием тюрьмой и крестом. Замечательнее всего было то, что он оказался победителем победителей; и хотя ему не поддался Карфаген, он достиг триумфа над самим воинским счастьем. (26) А римский народ намного яростнее и ревностнее стремился к мести за Регула, чем к победе. (27) Итак, когда при консуле Метелле пунийцы еще более воспрянули духом и в Сицилии возобновилась война, римский народ наголову разбил врагов у Панорма, и они больше не помышляли нападать на этот остров. (28) Свидетельство огромной победы — около сотни слонов — столь великая добыча, как если бы он захватил это стадо не на войне, а на охоте. (29) При консуле Аппии Клавдии римский народ был побежден не врагами, а самими богами, знаменами которых он пренебрег; римский флот был сразу же потоплен там, где консул приказал выбросить жертвенных цыплят, поведение которых запрещало вступать в сражение. (30) При консуле Марке Фабии Бутеоне в Африканском море у Эгимура был разбит вражеский флот, плывущий в сторону Италии. (31) Увы! Какие огромные трофеи погибли во время бури! Ведь наши суда, гонимые неблагоприятными ветрами, потерпели кораблекрушение и наполнили, богатой добычей Африку, Сирт и берега лежащих между ними островов. (32) Великое бедствие! Но и оно возвеличило достоинство народа-принцепса: хотя победу перехватила буря, а трофеи были похищены кораблекрушением и добычу, захваченную нами у пунийцев, прибывало ко всем мысам и островам, римский народ и без нее справил триумф. (33) При консуле Лутации Катуле у Эгатских островов, был положен конец войне: произошло самое крупное морское сражение. (34) Флот врага был перегружен войсковыми обозами, войском, осадными башнями и оружием, словно на нем уместился весь Карфаген; это и принесло ему гибель. (35) Римский флот, удобный, легкий, надежный и в некотором роде походный, вступил как будто в конное сражение: веслами действовали словно поводьями, и на любые удары подвижные ростры отзывались, словно живые. (36) В самое короткое время разбитые вражеские суда покрыли своими обломками все море между Сицилией и Сардинией. (37) Победа была такова, что не возникло необходимости в разрушении вражеских стен. Казалось излишним сокрушать крепость и стены, когда Карфаген уже был побежден на море.

Вопросы по тексту источника:

1. В чем, по мнению Флора, заключалась опытность карфагенян в морских сражениях?
2. Где, согласно Флору, была одержана первая морская победа римлян над карфагенянами?
3. Как окончил свою жизнь Атилий Регул?
4. Где, на взгляд Флора, произошло самое крупное морское сражение времен Первой Пунической войны?

Вторая Пуническая война

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фабий Максим. Пер. С.П. Маркиша.

14. Вскоре Фабий сложил с себя власть, и снова были избраны консулы. Первые из них, непосредственно сменившие Фабия, вели войну теми же средствами, что и он, – избегали решительного сражения с Ганнибалом, оказывали помощь союзникам, препятствовали их отложению; но когда консулом сделался Теренций Варрон, человек из малоизвестного рода, но стяжавший известность своей самонадеянностью и искательством перед народом, с самого начала было ясно, что его неопытность и дерзкое безрассудство поставят под угрозу судьбу всего государства. В Собрании он всякий раз кричал, что войне до тех пор не будет конца, пока командование поручают Фабиям, а что-де сам он разобьет противника в тот же день, как его увидит. Ведя подобные речи, он набирал такое огромное войско, какого у римлян никогда еще не бывало: в строй готовились стать восемьдесят восемь тысяч человек, и это не внушало Фабия и всем здравомыслящим римлянам ничего, кроме страха. Они были убеждены, что государству не оправиться от потери, если оно разом лишится стольких бойцов. Вот почему Фабий, обращаясь к товарищу Теренция по должности, Эмилию Павлу, искушенному в делах войны, но расположением народа не пользовавшемуся и запуганному обвинительным приговором, который был ему вынесен по какому-то делу, призывал его обуздать безумие товарища и внушал, что бороться за отечество ему предстоит не столько с Ганнибалом, сколько с Теренцием; оба, говорил он, спешат со сражением, один – не зная силы противника, другой – зная собственную слабость. «Право же, Павел, – закончил Фабий, – я заслуживаю большего доверия, чем Теренций, во всем, что касается Ганнибала, и я, не колеблясь, утверждаю, что если в этом году никто не потревожит его битвой, он либо погибнет, оставаясь в Италии, либо бежит без оглядки. Ведь даже теперь, когда он, казалось бы, победитель и владыка, никто из наших врагов к нему не примкнул, а из тех сил, какие он привел с собою, едва ли цела и третья часть». На это, как сообщают, Павел отвечал так: «Когда я думаю только о себе, Фабий, то для меня вражеские копья лучше нового суда сограждан. Но коль скоро таковы нужды государства, я предпочту, руководя войском, услышать похвалу от тебя, нежели от всех прочих, навязывающих мне противоположные решения». Сделав такой выбор, Павел уехал.

15. Но Теренций настоял на том, чтобы консулы командовали попеременно – каждый по одному дню, и, расположившись лагерем рядом с Ганнибалом, у реки Ауфиды, подле деревушки, называемой Канны, на рассвете поднял сигнал битвы (это пурпурный хитон, который растягивают над палаткой полководца). Поначалу даже карфагеняне пришли в смятение, изумленные отвагой командующего и размерами войска: ведь они уступали противнику числом более чем вдвое. Ганнибал приказал своим вооружаться, а сам в сопровождении нескольких всадников поднялся на невысокий пригорок и стал наблюдать за противником, который уже строился в боевые ряды. Один из его спутников, по имени Гискон, человек равного с ним положения, сказал, что число врагов кажется просто поразительным. «Но есть вещь еще более поразительная, Гискон, и ты ее проглядел», – возразил Ганнибал, прищурившись. «Что же это?» – спросил Гискон. «А то, что среди такого множества людей нет ни одного, которого бы звали Гисконом!» Шутка была совершенно неожиданной, все рассмеялись и, спускаясь с холма, пересказывали ее каждому встречно-

му, так что смех все ширился, и даже сам Ганнибал не мог сдержать улыбки. Увидев это, карфагеняне приободрились, считая, что лишь глубочайшее презрение к неприятелю позволяет их полководцу так спокойно смеяться и шутить перед лицом опасности.

16. Во время битвы Ганнибал применил несколько военных хитростей. Во-первых, он так расположил своих солдат, что ветер дул им в спину. А ветер этот был подобен знойному вихрю – вздымая на открытой, песчаной равнине густую пыль, он проносил ее над рядами карфагенян и бросал в лицо римлянам, которые волей-неволей отворачивались, нарушая строй. Во-вторых, на обоих крыльях он поставил сильнейших, самых искусных и отважных воинов, а самыми ненадежными заполнил середину, выстроенную в виде выступавшего далеко вперед клина. Отборные получили приказ: когда римляне взломают центр, который, естественно, подастся назад, принимая очертания впадины, и ворвутся внутрь карфагенского строя, совершить поворот и стремительно ударить им в оба фланга, чтобы полностью окружить неприятеля. Это, по-видимому, и было главной причиной чудовищной резни. Когда центр карфагенян стал отходить и римляне, бросившись в погоню, оказались в глубине неприятельских рядов, строй Ганнибала изменил свою форму и сделался похож на полумесяц, и тут лучшие отряды, выполняя приказ начальников, быстро повернули – один направо, другие налево, – напали на обнаженные фланги противника и, соединившись, истребили всех, кто не успел выскользнуть из их кольца.

Говорят, что и с конницей римлян приключилась неожиданная беда. Конь под Павлом был, вероятно, ранен и сбросил хозяина; ближайšie к консулу всадники, один за другим спешившись, кинулись ему на помощь, и, увидев это, остальные решили, что была подана общая команда, соскочили с коней и начали рукопашный бой. «На мой вкус, это еще лучше, чем если бы они сами сдались в плен», – заметил тогда Ганнибал. Такие подробности приводят авторы обстоятельных исторических сочинений.

Один из консулов, Варрон, с немногими сопровождающими ускакал в город Венусию, а Павел, втянутый в гущу и водоворот бегства, весь израненный копьями и дротиками, подавленный тяжелейшею скорбью, сел на какой-то камень и ждал смерти от руки врага. Кровь так обильно залила ему голову и лицо, что даже друзья и слуги проходили мимо, не узнавая его. Только один человек заметил и узнал консула – молодой патриций Корнелий Лентул. Он спрыгнул с коня, подвел его к Павлу и принялся умолять, чтобы тот спас себя ради сограждан, которые-де теперь, как никогда, нуждаются в хорошем полководце. Но Павел не склонился на его просьбы; не обращая внимания на слезы юноши, он заставил его снова сесть на коня, подал ему руку и промолвил, поднимаясь с места: «Расскажи, Лентул, Фабию Максиму и сам будь свидетелем, что Павел Эмилий следовал его советам до конца и ни в чем не нарушил уговора, но был побежден сначала Варроном, а затем Ганнибалом». С этим поручением Павел отпустил Лентула, а сам бросился в самую сечу и нашел свою смерть. Сообщают, что в сражении погибло пятьдесят тысяч римлян, в плен попало четыре тысячи, да еще не меньше десяти тысяч было захвачено в обоих лагерях после окончания битвы.

17. После такого блистательного успеха друзья горячо убеждали Ганнибала не упускать своего счастья и по пятам беглецов ворваться в Рим. «Через четыре дня ты будешь обедать на Капитолии», – говорили они. Трудно сказать, что за соображения удержали его от этого – вернее всего, не разум, а какой-то гений или бог внушил ему эту робость и медлительность. Недаром, как сообщают, карфагенянин Барка в сердцах заявил своему главнокомандующему: «Ты умеешь побеждать, но пользоваться победой не умеешь!» И все же победа резко изменила положение Ганнибала: если до битвы он не владел в Италии ни единым городом, торговым портом или хотя бы даже гаванью, едва-едва мог прокормить своих людей с помощью грабежа и, выступая в поход, не оставлял за спиною никакого надежного убежища, но скитался с войском, точно с огромною разбойничьей шайкой, то теперь сделался господином почти всей Италии. Большая часть самых значительных племен добровольно покорилась ему. Капуя, первый город в Италии после Рима, распахнула перед ним свои ворота.

Вопросы по тексту источника:

1. Каково, согласно Плутарху, было соотношение войск римлян и карфагенян перед битвой при Каннах?
2. В чем Плутарх видел тактический план Ганнибала при построении войск у реки Ауфида?
3. Каковы, согласно Плутарху, были потери римлян в битве при Каннах?

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

II. 6. После Первой Пунической войны едва ли четырехлетие покоя — и вот вторая война, бесспорно, не столь продолжительная (она насчитывает не более 18 лет), но характером бедствий вызывающая такой ужас, что если сравнить потери обоих народов, то победителя можно было бы уподобить побежденному. (2) Карфаген не мог примириться с потерей моря, похищением островов, выплатой податей, которые он привык получать с других. По этой причине мальчик Ганнибал перед алтарем дал отцу клятву о мести. (3) И не терял времени. Поводом к войне был избран Сагунт, древнее и богатое государство Испании, великий, но печальный памятник верности римлянам. [4] Его, чья свобода была обеспечена общим договором и с Римом, и с Карфагеном, Ганнибал, ища повода для новых смут, погубил своими руками и одновременно руками сагунтинцев, чтобы, нарушив договор, открыть себе путь в Италию. (5) Договоры для римлян — высшая святыня. Поэтому, узнав об осаде союзного государства и помня о договоре также и с пунийцами, римляне не сразу прибегли к оружию, решив сначала подать жалобу в установленном порядке. (6) Между тем сагунтинцы уже девять месяцев были изнурены голодом, осадными орудиями, оружием; наконец, придя в исступление, они сложили на площади огромный костер и, поднявшись на его вершину, огнем и мечом истребили себя, своих близких и все свое добро. (7) Виновником столь великого бедствия был объявлен Ганнибал. Когда пунийцы попытались оправдаться, глава римского посольства Фабий сказал: "Что за промедление? В складках тоги я несу войну и мир. Что вы выбираете?" При криках "Войну!" он сказал: "Итак, получайте войну". И посреди зала совета не без содрогания распустил складки тоги, словно на самом деле нес в ней войну. (8) Исход войны был подобен началу. Если последние проклятия сагунтинцев во время всеобщего братоубийства и пожара оказались тризной по самим себе, то очистительной жертвой их манам послужило опустошение Италии, пленение Африки, гибель царей и полководцев, которые вели эту войну. (9) Как только в Испании пришла в движение тяжкая и горестная сила Пунической войны и сагунтинский огонь разжег молнию, давно предопределенную Риму, разразилась гроза, как бы ниспосланная небом, и, проломив толщу Альп, со сказочной высоты снеговых гор обрушилась на Италию. (10) Вихрь первого натиска со страшным грохотом пронесся между Падом и Тицином. Тогда было рассеяно войско, которым командовал Сципион. Сам полководец был ранен и мог попасть в руки врагов, но его, прикрыв собой, вырвал у самой смерти сын, еще носивший претексту. (11) Это тот Сципион, который вырастет на погибель Африки и получит почетное имя в результате ее несчастий. (12) За Тицином последовала Требия. Здесь при консуле Семпронии неистовствует вторая буря Пунической войны. Именно тогда находчивые враги, обогрев себя огнем и маслом, воспользовались холодным и снежным днем. Трудно поверить, но люди, выросшие под южным солнцем, победили нас с помощью нашей собственной зимы! (13) Тразименские озеро — третья молния Ганнибала при нашем полководце Фламинии. Здесь по-новому проявилось пунийское коварство: конница, скрытая озерным туманом и болотным кустарником, внезапно ударила в тыл сражавшимся. (14) У нас нет оснований сетовать на богов. Поражение предсказали безрассудному полководцу рои пчел, усевшиеся на значки, легионные орлы, не желавшие выступать вперед, и последовавшее за началом сражения мощное землетря-

сение, если только содрогание земли не было вызвано топотом людей и коней и яростным скрежетом оружия. (15) Четвертая и едва ли не последняя рана империи — Канны, дотоле никому не известная деревушка Апулии. Величайшим поражением римлян и смертью 60 тысяч рождена ее слава. Там на погибель несчастному войску действовали заодно вражеский вождь, земля, небо, день, одним словом, вся природа. (16) Ганнибал не удовлетворился тем, что отправил подложных перебежчиков, которые внезапно ударили в спину сражающимся. Предусмотрительный полководец использовал и особенности открытой местности: учтя, с какой стороны жарче палит солнце и много пыли, а с какой, словно по уговору, всегда дует с востока Эвр, он так выстроил войско, что природа оказалась против римлян, и сражался при благоприятном небе в союзе с ветром, пылью и солнцем. (17) Так две огромные армии были порублены до полного пресыщения самих врагов, пока Ганнибал не приказал своему воинству: "Побереги меч!" Из римских полководцев один бежал, другой был убит. Можно спорить, кто из них проявил большее величие духа — устыдившийся Павел или неотчаявшийся Варрон. (18) Свидетельствами поражения стали окрасившийся кровью Ауфид, мост из трупов через ручей Вергелл, сооруженный по приказу Ганнибала, два модия перстней, посланных в Карфаген, — всадническое сословие подсчитывалось мерами! (19) Теперь никто не сомневался, что это был бы последний день Рима и Ганнибал мог бы через пять дней пировать на Капитолии, если бы умел пользоваться победой так же, как побеждать. (Так сказал, по преданию, пуниец Магарбал, сын Бомилькара.) (20) Но именно тогда судьба города, которому было суждено господство, или собственное заблуждение, или отвернувшиеся от Карфагена боги увлекли Ганнибала, как говорится, в противоположную сторону. (21) Он мог бы воспользоваться победой, но предпочел наслаждаться отдыхом и, оставив Рим, отправился в Кампанию и Тарент; там пыл войска и его собственный настолько ослабли, что поистине можно сказать: Капуя оказалась Каннами для Ганнибала. (22) Трудно поверить, но полководца, не побежденного Альпами, не укрощенного оружием, покорили кампанское солнце и Байи с их теплыми источниками. (23) Между тем римляне перевели дух и словно выбрались из царства мертвых. [24] Не было оружия — его взяли из храмов. Не было молодежи — для военной присяги освободили рабов. (25) Обеднела казна — сенат добровольно внес в нее свои богатства. Себе не оставили ничего, кроме золота в буллах и кольцах. Примеру сената последовали всадники, им подражали трибы. А когда в консульство Левина и Марцелла вносились в казну богатства частных людей, для записи едва хватало таблиц и рук писцов. (26) В довершение всего во время выборов магистратов проявили мудрость центурии: младшие попросили у старших совета относительно кандидатур консулов. Ведь против такого изворотливого врага, не раз бывшего победителем, следовало сражаться не только доблестью, но и стратегией. (27) Первой надеждой на возвращение и, я сказал бы, на возрождение империи был Фабий. Он открыл невиданный путь к победе над Ганнибалом — не сражаться. Отсюда новое для него и для государства прозвище Кунктатор; в народе его называют щит империи. (28) Отступлением через весь Самний, Фалернское и Гауранское ущелья он совершенно обессилил противника, и Ганнибал был сломлен не римской доблестью, а затяжным характером войны. (29) Затем под командованием Клавдия Марцелла римский народ дерзнул завязать сражение. Он вступил в рукопашный бой, разбил врага в полюбившейся ему Кампании и предотвратил осаду города Нолы. (30) При полководце Семпронии Гракхе началось преследование пунийцев по всей Лукании. Римский народ яростно наседали на отступавших, хотя тогда — о стыд! — он сражался с помощью рабского войска: так далеко загнали его беды. Но, получив свободу, они превратили себя из рабов в римлян. (31) О поразительная уверенность при стольких несчастьях! О не имеющий равных дух римского народа! Настолько стеснены и расстроены были дела, что нужно было опасаться за свою Италию, однако римский народ отважился оглянуться и в другую сторону. (32) Когда Ганнибал, словно подступив с ножом к горлу, носился по Кампании и Апулии и превращал центральную Италию в Африку, римский народ в одно и то же время и сдерживал врага, и посылал войска в Сицилию, Сардинию, Испанию, разбросав их по

всему миру. (33) Сицилия была поручена Марцеллу. Она недолго сопротивлялась: весь остров одолели в одном городе. Огромная и до того времени не побежденная столица Сиракузы, хотя и оборонялась гением Архимеда, в конце концов сдалась. (34) Не помогли ей ни тройная стена, ни три крепости, ни мраморная гавань и прославленный источник Аретузы. Но римляне пощадили красоту побежденного города. (35) Сардинию захватил Гракх. Ей не помогли ни дикость племен, ни огромность Безумных — так они называются — гор. Сурово обошлись с городами и со столицей Каралисом, и строптивое, презиращее смерть племя в конце концов усмирила потеря родной земли. [36] Гней и Публий Сципионы, посланные в Испанию, освободили почти всю ее от пунийцев, уничтожив в больших сражениях силы противника, но затем снова потеряли ее и сами погибли от пунийского коварства. Одного Сципиона сразил меч, когда он размечал место для лагеря, другого забросали факелами, как только он появился на башне. (37) Для отмщения за отца и дядю был послан с войском Сципион, которому рок предопределил великое имя Африканского. (38) Воинственную, знаменитую мужами и оружием Испанию, этот питомник вражеского войска, эту наставницу мальчика Ганнибала, он — трудно поверить! — отвоевал всю, от Пиренейских гор до Геркулесовых столпов и Океана, и при этом быстро и удачно. (39) Насколько быстро, показывают четыре года войны; насколько легко, видно на примере одного города. Ибо он был взят в тот же самый день, в какой осажден. Легкая победа над испанским Карфагеном оказалась предзнаменованием африканской победы. (40) Не подлежит сомнению и роль исключительной нравственной чистоты полководца при покорении Испании: он возвратил варварам юношей и девушек особой красоты, не пожелав даже их увидеть, чтобы не показалось, будто он хотя бы взглядом опорочил чистоту девственности. (41) Таким был римский народ в далеких краях. Потому он и не смог отеснить впившегося в плоть и кровь Италии Ганнибала. Враг испытывал недостаток во всем, и находчивый полководец стал пользоваться против римлян также силами италиков. Однако мы уже изгнали его из многих городов и областей; (42) уже вернули нам Тарент, уже и Капуя, обиталище и вторая родина Ганнибала, была за нами; ее потеря принесла вождю пунийцев тем большее горе, что она перешла на сторону Рима со всеми силами! (43) О народ, достойный власти над миром, достойный благоговения и удивления богов и людей! Доведенный до крайнего страха, он не отступился от начатого и, тревожась за свой город, не выпустил, однако, из рук Капуи: оставив часть войска под командованием консула Аппия, а часть отправив в город с Флакком, он сражался одновременно в разных местах. (44) Так надо ли удивляться, что сами боги во второй раз оказали противодействие Ганнибалу, когда он покинул лагерь у третьей мили. Да, боги, не стыдно сказать. (45) Ибо дожди с такой силой изливались в ответ на каждое его движение, с таким неистовством бушевали ветры, что казалось, будто их чудесным образом послало не небо, а стены самого города и Капитолий. (46) Он бежал и после отступления скрылся на самом дальнем мысе Италии, оставив город, бывший предметом его вожделений. (47) Событие, незначительное для римского народа: в те самые дни, когда велась осада поля, на котором Ганнибал расположил свои лагерь, в Риме оно продавалось на публичных торгах и нашло покупателя. (48) Ганнибал, со своей стороны, желая соперничать с этой самоуверенностью, пустил с молотка меняльные лавки в городе, но перекупщика не нашлось. Всем известно: предчувствия предваряют судьбу. (49) Враг ничего не смог добиться в силу нашей доблести и благоволения ботов. И брат Ганнибала Газдрубал двинулся из Испании с новым войском, с новыми силами, с новой лавиной войны. (50) Результат был бы, без сомнения, достигнут, если бы Газдрубал соединился с братом. Но когда он уже спустился с Альп и размечал место для лагеря у Метавра, его укротили Клавдий Нерон и Ливий Салинатор. (51) Нерон отогнал часть войск Ганнибала в самый угол Италии, Ливий — в противоположную сторону, в то самое ущелье, с которого начинается Италия. (52) Между ними пролегла обширная территория — Италия во всю длину, но трудно представить, как Ганнибал не догадался, что происходит, когда консулы искусно и стремительно соединили свои войска и совместными усилиями одолели ничего не подозревавшего врага. (53) Ган-

нибал узнал о случившемся, лишь увидав в своем лагере подброшенную голову брата. Тогда он произнес: "Узнаю несчастье Карфагена". Это было первое признание знаменитого полководца не без предчувствия грозящей судьбы. (54) Ганнибал, даже по его собственному признанию, уже не был непобедимым. Римский народ, обретший уверенность в победе благодаря множеству успехов, решил покончить со злейшим врагом в его собственной стране. (55) Под командованием Сципиона он направил всю мощь своего удара на саму Африку и, используя пример Ганнибала, начал мстить за поражения, полученные в Италии. (56) Благие боги! Какие полчища Газдрубала он рассеял, какую конницу нумидийского царя Сифака разбил! Какие колоссальные лагеря того и другого уничтожил за одну ночь, забросав их факелами! И это было уже не у третьего милевого столба: Сципион сотрясал осадой сами ворота Карфагена. (57) И все это было совершено, чтобы оторвать от Италии вцепившегося в нее Ганнибала. (58) Не было для римской империи важнее дня, чем тот, когда два величайших полководца прошлого и будущего, один — победитель Италии, другой — Испании, вынеся знамена, выстроили войска лицом к лицу. Ведя переговоры об условиях мира, они долго стояли, взаимно восхищаясь друг другом. (59) Когда же ничего не вышло с миром, прозвучали трубы. (60) Из признания обоих известно, что нельзя было лучше построить войско и невозможно было более жестоко сражаться. Это сказано Сципионом о ганнибаловом войске, Ганнибалом — о сципионовом. (61) Однако Ганнибал отступил, и наградой за победу была Африка, а вслед за Африкой весь мир.

Вопросы по тексту источника:

1. Чем отличаются подробности описания битвы при Каннах у Плутарха и Флора?
2. Какой анахронизм употребляет Флор, говоря о Римском государстве?
3. В чем, согласно Флору, заключалась тактика Фабия Максима?
4. Сколько лет, судя по источнику, длилась испанская кампания Сципиона, прозванного в дальнейшем Африканским?

Подчинение Риму Македонии

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга XXXIII. Пер. С.А. Иванова.

3. (1) Ранней весной, когда послы вернулись из Рима, ни о чем не договорившись, Филипп объявил набор по всем городам царства. Но молодых людей сильно недоставало, (2) так как непрерывные войны истребили уже многие поколения македонян. (3) Даже в царствование самого Филиппа очень многие пали в морских войнах против родосцев и Атталы, в сухопутных — против римлян. (4) Итак, он стал записывать в войско новобранцев шестнадцати лет; под знамена были призваны и дослужившие до отставки ветераны, сохранившие хоть немного сил. (5) Пополнив таким образом войско, царь после весеннего равноденствия стянул силы к Дию. Там он разбил постоянный лагерь и поджидал врага, ежедневно упражняя воинов. (6) А Квинкций, примерно в те же дни покинув Элатию, миновал Троний и Скарфею и прибыл к Фермопилам. (7) Там, в Гераклее, он застал собрание этолийцев, совещающихся, с какими силами сопровождать на войну римского командующего. (8) Узнав, что решили союзники, Квинкций на третий день перебрался из Гераклеи в Ксинию и, расположив лагерь на границе меж энианами и фессалийцами, стал поджидать вспомогательные этолийские войска. (9) Этолийцы не замешкались: шестьсот пехотинцев и четыреста всадников пришли под командованием Фенея. Чтобы не вызывать недоумения задержкой, Квинкций тут же снялся с лагеря. (10) По переходе во Фтиотиду к нему присоединились пятьсот гортинцев с Крита под водительством Киданта и триста аполлонийцев, все одинаково вооруженные, а через некоторое время — Аминандр с тысячей двумястами афаманскими пехотинцами. (11) Узнав о выступлении римлян из Элатии, Фи-

липп почувствовал, что решительная битва близка, и счел нужным подбодрить воинов; (12) в своей речи он сначала долго распространялся о доблестях предков, о военной славе македонян и лишь потом перешел к тому, что внушало тогда наибольший страх, но могло пробудить и некоторую надежду.

4. (1) Да, сказал он, македоняне потерпели поражение в теснинах у реки Аой — но ведь македонская фаланга трижды опрокидывала римлян под Атраком. (2) Да и в том, что не удержали эпирского ущелья, виноваты были сначала те, кто плохо стоял на страже, (3) а затем, во время самого сражения, легковооруженные воины и наемники. Фаланга же македонян и тогда выстояла, и всегда будет непобедима на ровной местности и в правильном сражении. (4) Теперь в фаланге было собрано шестнадцать тысяч воинов, вся боевая мощь Македонского царства, а кроме них — две тысячи воинов с легкими щитами (их называют пелтастами); фракийцев и иллирийцев (это их племя именуется траллы) было поровну — по две тысячи, (5) да еще почти полторы тысячи разноплеменных наемников, да две тысячи конницы. С такими вот силами царь поджидал врага. (6) У римлян было примерно столько же, и лишь в коннице они имели перевес благодаря приходу этолийцев...

7. (1) Филипп, торопившийся в путь, (2) не убоился туч, спустившихся на землю после дождя: он приказал поднять знамена. Однако густой мрак и туман настолько затмили свет дня, что знаменосцы не видели дороги, а воины — знамен. Войско двигалось по неизвестно чьим крикам, словно заблудившееся ночью, походный строй смешался. (3) Перевалив через холмы, которые называются Киноскефалы, македоняне разбили лагерь и выставили сильную охрану из пехотинцев и всадников. (4) Хотя римлянин оставался в том же лагере у Фетидия, он все-таки послал десять турм конницы и тысячу пехотинцев на разведку, наказав им стеречься засады, какую в ненастный день легко устроить даже на открытом месте. (5) Когда этот отряд наткнулся на занявшего холмы неприятеля, обе стороны застыли на месте, испугавшись друг друга, а потом послали гонцов в свои лагеря к полководцам и, когда прошло первое потрясение от неожиданности, не стали более уклоняться от битвы. (6) Она завязалась сначала между немногими вырвавшимися вперед дозорами, потом сражавшихся стало больше — на помощь оттесненным стали приходить подкрепления. Римляне оказались малочисленней, они слали к командующему гонцов одного за другим, сообщая, что их одолевают. (7) Квинкций спешно двинул на выручку пятьсот всадников и две тысячи пехоты, по большей части этолийцев, под началом двух военных трибунов. Это поправило ухудшившееся было положение римлян, (8) и вот уже с переменной счастия македоняне принялись, терпя неудачу, через гонцов просить у царя подкреплений. Но так как он из-за павшего на землю тумана совсем не ожидал сражения в этот день, немалая часть солдат и союзников разосланы были за продовольствием. Некоторое время Филипп в страхе не ведал, на что решиться. (9) Но гонцы продолжали настаивать, а туман на горной гряде между тем уж рассеялся, и стало видно, что македоняне оттеснены на самый высокий из окружающих холмов, (10) где их защищают скорее выгоды местоположения, чем оружие. И тогда наконец Филипп решил послать навстречу опасности все свои силы, лишь бы не жертвовать теми, кто остался без защиты. (11) Он послал туда предводителя наемников Афинагора со всеми вспомогательными частями, кроме фракийских, а также с македонской и фессалийской конницей. (12) С их появлением римляне были согнаны с гряды и остановились не раньше, чем достигли равнины. (13) Главная заслуга в предотвращении повального бегства принадлежала этолийским конникам. В те времена это была лучшая конница в Греции, но в пехоте этолийцы уступали своим соседям.

8. (1) Все новые и новые гонцы возвращались к царю из сражения с преувеличенно радостными известиями, крича, что римляне в страхе бегут; и в конце концов это побудило царя выстроить к бою все войска, (2) хоть он и не желал этого, хоть и медлил, твердя, что все делается опрометчиво, что ему не нравится ни место, ни время сражения. (3) Так же поступил и римский военачальник, подвигнутый более неизбежностью битвы, чем удачным стечением обстоятельств. Правое крыло он оставил в запасе, выстроив слонов впер-

ди знамен, а сам с левым крылом, включавшим все легковооруженные отряды, двинулся на врага. (4) При этом он ободрял воинов, напоминая, что они будут биться с теми самыми македонянами, которых, преодолев суровость природы, отбросили и разбили в эпирских ущельях, окруженных горами и реками, (5) с теми, которых еще раньше победили под водительством Публия Сульпиция, когда те заняли проход в Эордею. Македонское царство держится одной только славой — не мощью, но теперь и слава эта померкла. (6) Как раз в это время римляне добрались до своих, которые стояли в глубине долины, — с появлением войска и полководца они возобновили битву и, перейдя в наступление, обратили врага вспять. (7) А Филипп с пелтастами и правым крылом пехоты — лучшей частью македонского войска, которую называют фалангой, — чуть не бегом приближался к неприятелю; (8) Никанору, одному из своих приближенных, он приказал следовать прямо за ним с остальными силами. (9) Вначале, взойдя на кряж, царь нашел там оружие (его было немного) и тела врагов, он увидел, что тут была битва, что римляне отсюда отброшены и теперь сражение идет возле неприятельского лагеря; Филипп воспрял было от охватившей его радости, (10) но вскоре, когда страх перекинулся на его воинов и они побежали, он встревожился. На миг у него возникло сомнение, не вернуть ли войско в лагерь. (11) Однако противник приближался, истребляя бегущих, и спасти их можно было, лишь придя им на помощь; да и для самого царя отступление не было бы безопасным. (12) Вынужденный вступить в решающую схватку, когда часть его сил еще не подоспела, царь расположил конницу и легковооруженные отряды на правом фланге; (13) пелтастам и македонской фаланге он приказал отложить копья, длина которых стала помехой, и сражаться мечами. (14) А чтобы строй труднее было прорвать, царь снял половину воинов с переднего края и удвоил число рядов так, чтобы построение сделалось скорее глубоким, чем развернутым вширь. При этом он приказал сдвинуть ряды, чтобы воин соприкасался с воином, оружие с оружием.

9. (1) Квинкий принял в свой строй тех, кто был до этого в деле, пропустив их между знаменами и боевыми порядками, и тотчас трубач подал знак к сражению. (2) Рассказывают, что битва началась таким криком, какой редко случается услышать: оба войска издали клич одновременно, и не только те, кто был в строю, но даже оставленные в запасе и те, кто как раз вступил в бой. (3) На правом фланге местность благоприятствовала царю: он занимал высоты и в сражении одерживал верх. На левом фланге наступило полное замешательство, когда стала приближаться та часть фаланги, которая была в хвосте. (4) Середина строя (она была смещена к правому флангу) оставалась только зрителем битвы, словно не имевшей к ней отношения. (5) Подоспевшая фаланга, выстроенная скорее для похода, чем для сражения, едва вышла на кряж. (6) Квинкий и направил удар именно против фаланги, не выстроившейся еще к бою, хоть видел, что на правом фланге римляне отступали. Вперед он пустил слонов, рассчитывая, что, если побежит часть врагов, она увлечет за собой и остальных. (7) Расчет оказался верен: напуганные животными македоняне сразу же повернули назад. (8) Остальные устремились за ними; тут один из военных трибунов, действуя сообразно обстоятельствам, оставил в строю столько воинов, сколько требовалось для верной победы, а сам с двадцатью знаменами совершил быстрый обход и зашел в тыл правому крылу врага. (9) Никакой строй не сохранит порядок от замешательства, подвергшись удару с тыла, но тут неизбежное смятение усугублялось еще и тем, (10) что тяжелая и неуклюжая македонская фаланга не могла развернуться, да этого и не допустили бы те римляне, которые только что отступали от ее лобового удара, а тут принялись наседавать на врага, перепуганного нападением с другой стороны. (11) К тому же теперь против македонян была и сама местность, ибо, гоня неприятеля вниз по склону, они тем самым отдали кряж противнику, зашедшему с тыла. Недолгое время македонян избивали с двух сторон, а потом они почти все, побросав оружие, пустились в бегство.

10. (1) Филипп с немногими пехотинцами и конниками сперва поднялся на самый высокий холм, чтобы взглянуть, какая судьба постигла его левое крыло, (2) но затем, увидев там повальное бегство, а на всех высотах — сверкание римских знамен и оружия, он и сам

покинул поле битвы. (3) Квинкий теснил отступающих, как вдруг заметил, что македоняне поднимают копья; не понимая их намерений, он несколько придержал воинов, озадаченный необычным зрелищем. (4) Затем, сообразив, что такой у македонян способ сдаваться в плен, он решил дать пощаду побежденным. (5) Но воины не поняли ни того, что враги сдаются, ни того, что именно хочет командующий, — они набросились на противника; после первых убитых остальные бежали врассыпную. (6) Царь потеряв голову умчался к Темпейской долине. Там он остановился на день в Гонне, чтобы собрать уцелевших после сражения. Римляне победителями ворвались во вражеский лагерь, рассчитывая на добычу, но обнаружили, что большая ее часть уже разграблена этолийцами. (7) В тот день было перебито восемь тысяч врагов, а пять тысяч взято в плен. Победители потеряли около семисот человек.

Вопросы по тексту источника:

1. Что заставило македонского царя Филиппа V, согласно Ливию, начать сражение при Киноскефалах?
2. Какими союзными силами обладали римляне и македоняне при Киноскефалах?
3. Какую роль сыграли слоны в ходе битвы при Киноскефалах?

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Эмилий Павел. Пер. С.П. Маркиша.

18. Бой начался уже под вечер по почину врагов и, как сообщают иные, благодаря хитрой выдумке Эмилия: римляне выпустили на македонян невзнузданного коня, те погнались за ним, и началась первая стычка. Но другие говорят, что фракийцы под командованием Александра совершили нападение на римский обоз с сеном, а на них в свою очередь яростно бросились семьсот лигурийцев. С обеих сторон стали подходить значительные подкрепления, и сражение закипело. Эмилий, точно кормчий, уже по этим первым бурным колебаниям обоих станов предвидя, какие размеры примет предстоящая битва, вышел из палатки и, обходя легионы, стал ободрять солдат, а Назика на коне поспешил туда, где летели копья и стрелы, и увидел, что в деле участвует почти вся македонская армия. Впереди шли фракийцы, вид которых, по словам самого Назики, внушил ему настоящий ужас: огромного роста, с ярко блиставшими щитами, в сияющих поножах, одетые в черные хитоны, они потрясали тяжелыми железными мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым плечом. Рядом с фракийцами находились наемники, они были вооружены неодинаково и смешаны с пеонийцами. За ними помещалась третья линия, состоявшая из самих македонян, — отборные воины, в расцвете лет и мужества, сверкавшие позолоченными доспехами и новыми пурпурными одеждами. В то время как они занимали свое место в строю, из-за укреплений показались ряды воинов с медными щитами, и равнина наполнилась ярким блеском железа и сиянием меди, а горы загудели от крика и громогласных взаимных увещаний. Так отважно и быстро устремились они вперед, что первые убитые пали не больше чем в двух стадиях от римского лагеря.

19. Битва уже завязалась, когда появился Эмилий и увидел, что македоняне в первых линиях успели вонзить острия своих сарисс в щиты римлян и, таким образом, сделались недостижимы для их мечей. Когда же и все прочие македоняне по условленному сигналу разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян, ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно ошетилившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило. Но тогда, скрыв свои чувства, он с веселым и беззаботным видом без шлема и панциря объезжал поле сражения...

20. Римляне никакими усилиями не могли взломать сомкнутый строй македонян, и тогда Салий, предводитель пелигнов, схватил значок своей когорты и бросил его в гущу врагов. Пелигны дружно устремились к тому месту, где он упал (покинуть знамя у италийцев считается делом преступным и нечестивым), и тут обе стороны выказали крайнее ожесточение и, обе же, понесли жестокий урон. Одни пытались мечами отбиться от сарисс, или пригнать их к земле щитами, или оттолкнуть в сторону, схватив голыми руками, а другие, еще крепче стиснув свои копья, насквозь пронзали нападающих, – ни щиты, ни панцири не могли защитить от удара сариссы, – и бросали высоко вверх, выше головы, тела пелигнов и марруцинов, которые, потеряв рассудок и озверев от ярости, рвались навстречу вражеским ударам и верной смерти. Таким образом первые ряды бойцов были истреблены, а стоявшие за ними подались назад; хотя настоящего бегства не было, все же римляне отошли до горы Олокр, и тогда Эмилий, по словам Посидония, разорвал на себе тунику, ибо, видя, что те отступили и что фаланга, окруженная отовсюду густой щетиной сарисс, неприступна, точно лагерь, пали духом и прочие римляне. Но поскольку местность была неровной, а боевая линия очень длинной, строй не мог оставаться равномерно сомкнутым, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши, что как правило случается с большим войском при сложных перемещениях сражающихся, когда одни части оттесняются назад, а другие выдвигаются вперед; заметив это, Эмилий поспешно подъехал ближе и, разъединив когорты, приказал своим внедриться в пустые промежутки неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги в целом, а во многих местах, против отдельных ее частей. Эмилий дал эти наставления начальникам, а те – солдатам, и как только римляне проникли за ограду вражеских копий, ударяя в незащищенные крылья или заходя в тыл, сила фаланги, заключавшаяся в единстве действий, разом иссякла и строй распался, а в стычках один на один или небольшими группами македоняне, безуспешно пытаясь короткими кинжалами пробить крепкие щиты римлян, закрывавшие даже ноги, и своими легкими щитами оборониться от их тяжелых мечей, насквозь рассекавших все доспехи, – в этих стычках македоняне были обращены в бегство.

21. Бой был жестокий. Среди прочих в нем участвовал и Марк, сын Катона и зять Эмилия, который выказал чудеса храбрости, но потерял свой меч. Юноша, воспитанный со всем возможным тщанием, сознающий свой долг перед великим отцом и желающий дать ему великие доказательства собственной доблести, он решил, что недостойн жизни тот, кто сохранит ее, оставив в добычу врагу свое оружие; пробегаая по рядам и видя друга или близкого человека, он каждому рассказывал о своей беде и просил помощи. Набралось немало храбрых охотников, под предводительством Марка они пробивались в первые ряды сражающихся и бросились на противника. После яростной схватки, в которой многие пали и многие были ранены, они оттеснили македонян и, очистив место от врага, принялись искать меч. Насилу найдя его под горами оружия и трупов, они, вне себя от радости запев пеан, с еще большим воодушевлением ударили на остатки продолжавшего сопротивляться неприятеля. В конце концов три тысячи отборных воинов, не покинувших своего места в строю, были истреблены все до одного, прочие же обратились в бегство, и началась страшная резня: и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже на следующий день, когда римляне переходили реку, были красны от крови. Сообщают, что македонян было убито больше двадцати пяти тысяч. Римлян, по словам Посидония, пало сто человек, по словам же Назики, – восемьдесят.

Вопросы по тексту источника:

1. Почему, согласно Плутарху, македонская фаланга не смогла сохранить сомкнутость боевой линии при противостоянии с римлянами при Пидне?
2. Фигурируют ли в сражении при Пидне, описанном Плутархом, лучники?

Сирийская война

Аппиан. Римская история. Сирийские дела. Пер. С.П. Кондратьева.

1. Антиох, сын Селевка и внук Антиоха, был царем сирийцев, вавилонян и других племен. Он был шестым в ряду потомков Селевка, который после Александра царствовал над Азией по Евфрату; напав на Мидию и Парфию и на другие племена, отложившиеся еще до него, и совершив много великих подвигов, он получил за это прозвище Антиоха Велико-го; гордясь совершенным им и полученным за это прозвищем, он напал на глубинную Сирию и на те области Киликии, которые принадлежали Птолемею Филопатору, еще мальчиком ставшему царем Египта, и ими завладел; нисколько ни с чем не считаясь, он двинулся на пригеллеспонтские области, на эолийские и ионийские города, под предлогом, что они принадлежат ему как властителю Азии; ведь и раньше — говорил он — они подчинялись царям Азии. Переплыв в Европу, он двинулся на Фракию и силою подчинил отказавшиеся ему повиноваться племена; он укрепил Херсонес и заселил Лисимахию; ее основал Лисимах, воцарившийся над Фракией после Александра, с тем чтобы она была ему укрепленным пунктом против фракийцев; фракийцы же, когда Лисимах умер, разрушили ее. И вот Антиох стал ее заселять, призывая беглецов из владений Лисимаха, покупая обращенных в рабов пленников, прибавляя к ним других, давая быков, овец и железные орудия для земледелия и ничего не упуская, чтобы быстрым темпом укрепить город. Это место ему казалось в высшей степени важным укреплением против всей Фракии и самым удобным складочным местом при выполнении остальных его замыслов.

2. Но это послужило для него началом явного разногласия также с римлянами. Когда он стал захватывать, один за другим, греческие города, то большинство их жителей из страха захвата силой подчинялись ему и выдали гарнизоны, но жители Смирны, Лампсака и другие держались еще против него и отправили послов к римскому полководцу Фламинину, недавно в большой битве в Фессалии победившему Филиппа Македонского. Ведь дела Македонии и греков имели общие точки соприкосновения и по месту, и по времени... И уже между Антиохом и Фламининим были некоторые взаимные посольства и безуспешные попытки соглашения. И римляне, и Антиох с большим подозрением относились друг к другу: римляне полагали, что Антиох не останется спокойным, находясь под обаянием величия своей власти и расцвета удач; Антиох же полагал, что только одни римляне будут особенно препятствовать расширению его могущества и помешают ему при его попытке переправиться в Европу. Но вообще у них не было явных причин для враждебных отношений. В то время в Рим прибыли послы от Птолемея Филопатора; он жаловался, что Антиох отнял у него Сирию и Киликию. Римляне охотно ухватились за этот предлог, случившийся для них очень кстати, и отправили послов к Антиоху, которые на словах имели намерение примирить Птолемея с Антиохом, на деле же внимательно разглядеть планы Антиоха и помешать ему, сколь они смогут...

12. Тем временем Антиох вернулся из Писидии в Эфес и, дав аудиенцию римским послам, заявил, что предоставит автономию родосцам, византийцам и жителям Кизика, а также и другим эллинам в Азии, если у него будет союзный договор с римлянами, но Эолии и Ионии этой автономии он не даст, так как издревле они привыкли быть подданными даже варварских царей в Азии. Римские послы не пришли с ним ни к какому соглашению (ведь они прибыли не по делу о соглашении, но для зондирования его настроения), и с этим они вернулись в Рим. К Антиоху же прибыли послы этолийцев, во главе которых стоял Тоас; они объявили Антиоха полномочным военачальником этолийцев и приглашали переплыть в Грецию, как на готовое дело. Они не позволяли ему ждать войска, возвращавшегося из Центральной Азии, но, превознося силы этолийцев, заявляя, что и лакедемоняне, а кроме лакедемонян также Филипп Македонский, полный гнева на римлян, будут их союзниками,

они торопили его с переходом. Антиох очень легкомысленно воспылил решимостью, и даже полученное им известие о смерти сына в Сирии не приостановило его стремительности. Только с десятью тысячами, которые он тогда имел при себе, он переправился в Эвбею. Самолично он занял остров, сдавшийся ему под влиянием страха; а его полководец Микитион, напав на римлян около Делия (это было место, посвященное Аполлону), часть из них убил, а других взял в плен...

15. Когда римляне узнали о вторжении Антиоха в Грецию, об избиении и пленении римлян при Делии, они решили начать войну. Таким образом, война между Антиохом и римлянами, давно уже намечавшаяся и той, и другой стороной, тогда впервые проявилась как факт...

17. Римляне со всей поспешностью с бывшими у них готовыми двумя тысячами всадников, с двадцатью тысячами пехоты и несколькими слонами, под начальством Ацилия Манния Глабриона, переправились из Брундизия в Аполлонию, оттуда они двинулись в Фессалию и освободили города от осады, а где были гарнизоны атаманов, эти гарнизоны они изгнали. Они захватили в плен Филиппа из Мегалополиса, все еще надеявшегося получить власть над Македонией. Они взяли в плен также до трех тысяч из воинов Антиоха. Пока Маний совершал эти операции, Филипп, вторгшись в область атаманов, всю ее подчинил себе; Аминандр бежал в Амбракию. Когда все это стало известно Антиоху, он, пораженный быстротой событий, испугался, как бывает при неожиданной и быстрой перемене, и понял он тогда всю правильность советов Ганнибала. Он стал одного за другим отправлять вестников в Азию к Поликсениду, торопя его с переправой войск, а сам отовсюду стал собирать все те силы, которые у него были. Когда у него собралось собственных войск десять тысяч пехоты и пятьсот всадников и, сверх этого, некоторое количество союзников, он занял Фермопилы, чтобы противопоставить наступлению врагов труднопроходимую местность и дожидаться войска из Азии. Фермопилы представляют собой узкий и длинный проход; их окружает с одной стороны море, с острыми подводными камнями при полном отсутствии гаваней, с другой — непроходимое и бездонное болото. Здесь поднимаются две отвесные горные вершины, и одну из них называют Тейхиунтом, а другую — Каллидромом. Это место имеет горячие источники и от этого оно и получило свое название Фермопил — “Ворота горячих источников”.

18. И вот там Антиох возвел двойную стену, а на стену поставил машины. На вершины гор он послал этолийцев, чтобы никто незаметно не мог обойти его по так называемой “непроходимой тропе” (Атрапон); это тот путь, по которому Ксеркс напал на Леонида с его спартамцами, так как тогда горы оставались неохраняемыми. Этолийцы поставили на каждую из этих вершин по тысяче человек, с остальным войском они по собственному усмотрению стали лагерем около города Гераклеи. Когда Маний увидал приготовления врагов, он дал приказ начать битву утром. Двум военным трибунам, Марку Катону и Люцию Валерию, он велел ночью, взяв сколько каждый хочет отборных воинов, обойти горы и постараться согнать с вершин этолийцев. Люций был отбит от Тейхиунта, так как тут этолийцы держались хорошо; Катон же, обойдя Каллидром, застал врагов еще спавшими, напав на них в конце ночной стражи. У него завязался здесь сильный бой, но он пробился на вершину, хотя враги сильно защищали крутизны. Тем временем и Маний, разделив войско на растянутые отряды, повел его против Антиоха, выстроившего свое войско длинным фронтом; только так он мог пройти по теснинам. По приказу царя легковооруженные и пелтасты должны были сражаться перед фалангой, а фалангу он поставил перед лагерем, на ее правом крыле, у подножья горы — стрелков и пращников, на левой — слонов, а густые ряды воинов, которые всегда ставятся вместе с ними, — вдоль морской линии.

19. Когда сражение перешло в рукопашный бой, то вначале легковооруженные, со всех сторон налетая на врагов, причиняли много неприятности Манию. Когда же с большим трудом принимая их налеты, отступая и затем опять наступая, он обратил их в бегство, то фаланга, построенная по македонскому образцу, расступилась, приняла их к себе и, сой-

дять, прикрыла их и, сохраняя строй, выставила густые ряды копий. Со времени Александра и Филиппа македоняне особенно этим пугали своих врагов, не осмеливавшихся приблизиться к выдвинутым против них многочисленным длинным копьям. Но внезапно увидели этолийцев, бегущих с криком от Каллидрома и несущихся к лагерю Антиоха. Вначале и та, и другая сторона была в неведении, что случилось, и, как бывает при неведении, произошло замешательство. Когда же появился Катон, преследующий их с большим криком, и оказался уже над лагерем Антиоха, то войско царя испугалось: и много раньше слышали они страшные рассказы о том, как ведут бои римляне, и о себе они знали, что вследствие безделья и роскошной жизни в продолжение всей зимы они испортились и стали неспособны к энергичным действиям. Не видя ясно, сколько было с Катонем, но в страхе считая, что их больше, чем на самом деле, и боясь за свой лагерь, они в беспорядке бежали туда с тем, чтобы оттуда отражать врагов. Римляне, преследуя их по пятам, вместе с ними ворвались в лагерь, и тут началось второе беспорядочное бегство антиоховцев. Маний преследовал их до Скарфеи, убивая и забирая в плен, а затем, вернувшись от Скарфеи, разграбил царский лагерь, а этолийцев, которые во время отсутствия римлян набежали в их укрепления, он прогнал одним своим появлением.

20. Во время сражения и преследования у римлян погибло около двухсот человек, а у Антиоха, считая и взятых в плен, около десяти тысяч...

Вопросы по тексту источника:

1. Каковы, в изложении Аппиана, были причины и повод начала войны римлян с Антиохом III?
2. Какую роль, согласно Аппиану, сыграли этолийцы в сражении у Фермопил?

Завоевание Греции

Веллей Патеркул. Римская история. Книга I. Пер. А.И. Немировского.

XIII. В том же году, когда погиб Карфаген, Л. Муммий разрушил до основания Коринф — через девятьсот пятьдесят два года после того, как он был основан Алетом, сыном Гиппота. (2) Оба полководца были почтены именами побежденных народов: один был назван Африканским, другой — Ахейским. Муммий был первым из новых людей, кто добавил к своему имени когномен, добытый воинской доблестью. (3) Различны были нравы полководцев, различны были их устремления. Ведь Сципион был настолько утонченным ревнителем и почитателем свободных искусств и всех наук, что держал при себе дома и на войне Полибия и Панетия, писателей исключительного дарования. И никто изысканнее Сципиона не перемежал занятия отдыхом, постоянно служа искусству войны или мира. Поглощенный всегда либо войной, либо учением, он укреплял тело опасностями, дух — наукой. (4) Муммий, напротив, был настолько неотесан, что при взятии Коринфа, намечая для отправки в Италию множество картин и статуй, созданных величайшими мастерами, наставлял сопровождающих: «Если с ними что случится, то вы должны будете изготовить новые»...

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

Ахейская война

II. 16. Тот век был, можно сказать, отмечен разрушением городов. За падением Карфагена последовала гибель столицы Ахайи, красоты Греции Коринфа, расположенного, словно напоказ, между двух морей, Ионийского и Эгейского. Коринф был уничтожен — недо-

стойное деяние! — до того, как причислен к нашим несомненным врагам. (2) Виновник войны Критолай, получив свободу от римлян, использовал ее против них самих и оскорбил римских послов, (3) возможно, что и насилием, но достоверно, что словами. Метеллу, в то время наводившему порядок в Македонии, было поручено отмщение. И вот — Ахейская война. Консул Метелл сразу же рассеял отряд Критолая по бескрайним полям Элиды и по всему Алфею. (4) Война была закончена в результате одного сражения. Коринфу угрожала осада, но — роковые обстоятельства! — сражался Метелл, а победу перехватил Муммий. (5) Он рассеял по всему Истмийскому перешейку войско второго полководца Диэя и окрасил кровью обе гавани. Тогда-то покинутый жителями город был сначала разграблен, а затем разрушен по знаку трубы. (6) Сколько статуй, сколько одеяний, сколько картин было похищено, сожжено и выброшено! Какие богатства взяли с собой римляне! А сколько сожгли, можно судить по следующему: то, что теперь славится по всему миру как коринфская бронза, это, насколько нам известно, все, что осталось после пожара. (7) Цену бронзы подняло само насилие над богатейшим городом, ибо в результате пожара от смешения многочисленных статуй и изображений сплавилась потоки меди, золота и серебра.

Аврелий Виктор. О знаменитых людях. Пер. В.С. Соколова.

LX. Люций Муммий Ахейский.

Люций Муммий, прозванный Ахейским, был послан против коринфян, но присвоил себе победу, одержанную чужими усилиями. (2) Действительно, когда Метелл Македонский разбил врагов у Гераклеи и лишил их вождя Критолая, Муммий поспешил в лагерь Метелла с ликторами и немногими всадниками и одержал победу над коринфянами под Левкопетрой; вождь их Диэй бежал к себе в дом, поджег его, убил свою жену и бросил ее в огонь, а сам отравился. (3) Муммий награбил в Коринфе [много] картин и статуй; хотя он ими заполнил всю Италию, в свой дом он ни одной не принес.

Вопросы по тексту источников:

1. В чем Веллей, Флор и Аврелий Виктор укоряют полководца Луция Муммия?
2. Какие положительные черты Муммия отметили древние авторы?

Третья Пуническая война

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

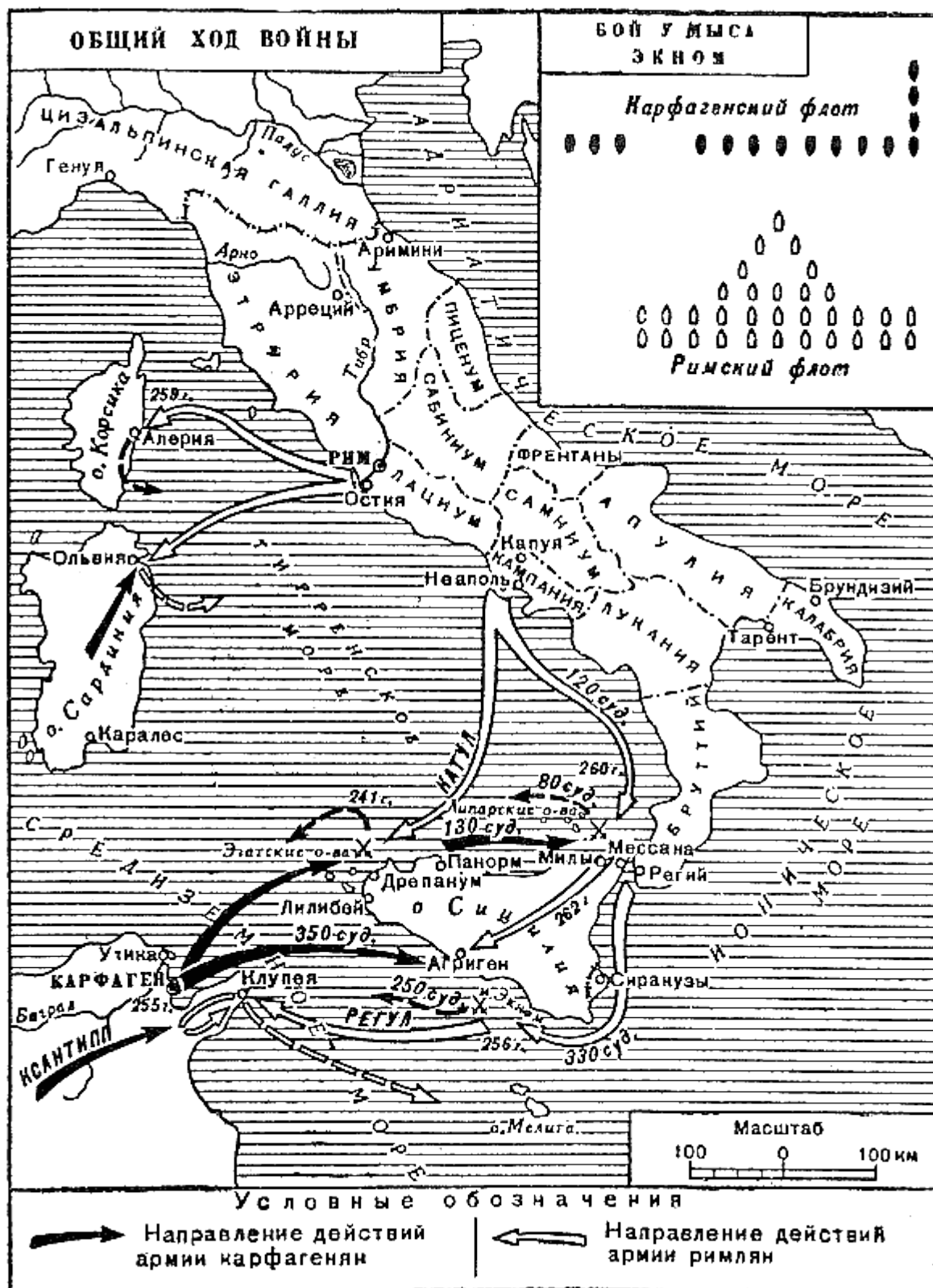
II. 15. Третья Пуническая война и по времени незначительна — она была — закончена за четыре года, и по сравнению с первыми стоила меньшего труда, ибо сражались не столько с воинами, сколько с самим городом. Но по исходу она, безусловно, оказалась величайшей, так как было, наконец, покончено с Карфагеном. (2) Однако же если разделить эту войну на периоды, то окажется, что в первый она началась, во второй достигла переломного момента, в третий была завершена. (3) Причина Третьей Пунической войны в том, что вопреки условию договора карфагеняне подготовили флот и войско против нумидийцев. (4) Их царь Масинисса настойчиво устраивал провокации на границах с Карфагеном, но к нему, как к честному союзнику, благоволили римляне. Всякий раз, когда решали вопрос о войне и даже когда совещались о чем-либо другом, Катон с непримиримой ненавистью провозглашал: "Карфаген должен быть разрушен". (5) В противовес ему Сципион Назика утверждал, что город должен быть сохранен, потому что с устранением страха перед городом-соперником — счастье стало бы чрезмерным; сенат выбрал среднее: город нужно лишь сдвинуть с места. (6) Казалось, ничто не может быть великолепнее Карфаге-

на, которого не надо бояться. (7) И так, в консульство Манилия и Цензурина римский народ, напавши на Карфаген, на виду всего города сжег флот, добровольно сданный ему в надежде на мир. (8) Затем созвали первых лиц города и приказали им покинуть Карфаген, если они хотят остаться в живых. Эта жестокость вызвала такой гнев, что карфагеняне предпочли самое худшее. Раздался всенародный клич: "К оружию!" (9) Они приняли решение сопротивляться, и не потому, что уже не оставалось никакой надежды, но потому, что предпочли, чтобы родина была низвергнута руками врагов, а не их собственными. (10) Каково было воодушевление сопротивляющихся, можно представить по тому, что для нужд нового флота они разрушили кровли домов. В оружейных мастерских вместо меди и железа расплавлялось золото и серебро, для тетив метательных машин знатные женщины собрали свои волосы. Наконец, под командованием консула Манцина началась осада. (11) Заперты гавани, остались без защитников первая, вторая и уже третья стена, но Бирса — таково было название крепости — сопротивлялась, словно второй город. (12) И хотя город был почти разрушен, не обошлось без рокового для Африки имени Сципионов. Государство возложило полномочия по окончанию войны на другого Сципиона. Его, рожденного Павлом Македонским, усыновил во славу своего рода сын великого Сципиона Африканского. Подумать только: по воле судьбы город, которому угрожал дед, был окончательно разрушен внуком! (13) Но подобно тому, как наиболее смертоносными оказываются укусы умирающих зверей, с полуразрушенным Карфагеном было больше хлопот, чем с невредимым. (14) Сгнав врагов в одну крепость, римляне перегородили гавань и с моря. Осажденные вырыли себе другую гавань, с другой стороны города, но не для того чтобы бежать: (15) уже никто не верил, что можно спастись; оттуда, словно внезапно родившись, вырвался флот. Как пламя из пепла потушенного пожара, днем и ночью пробивалась последняя сила, последняя надежда, последний отряд отчаявшихся людей. (16) Наконец, считая дело безнадежным, сразу сдалось 36 тысяч воинов под командованием — чему менее всего можно поверить — Газдрубала! (17) Насколько храбрее оказалась женщина, супруга полководца! Схватив детей, она с кровли бросилась в пламя, подражая царице, основательнице Карфагена. О величии разрушенного города можно судить, не говоря уже о прочем, по продолжительности пожара. За семнадцать дней едва смог угаснуть огонь, который враги добровольно направили на свои дома и храмы: если не смог устоять против римлян город, должен был сгореть их триумф.

Вопросы по тексту источника:

1. Кто из римских политиков, согласно Флору, высказывался «за» и «против» разрушения Карфагена?
2. Как звали, по информации Флора, последнего карфагенского полководца?

Карта 1

Задание по карте 1:

Найдите на карте опорные пункты карфагенян на Сицилии.

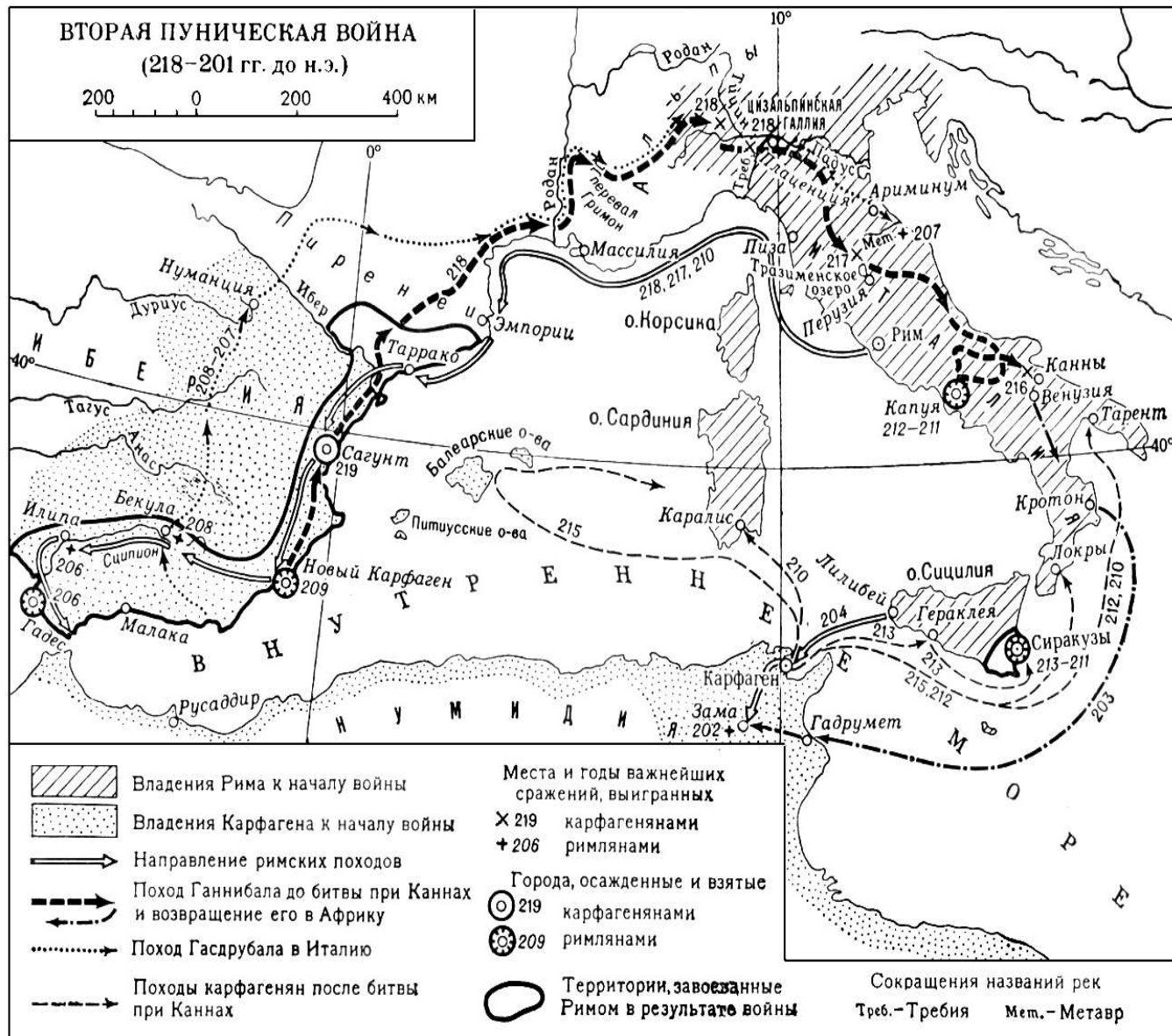
Карта 2

Задание по карте 2:

Найдите на карте места морских сражений Первой Пунической войны.

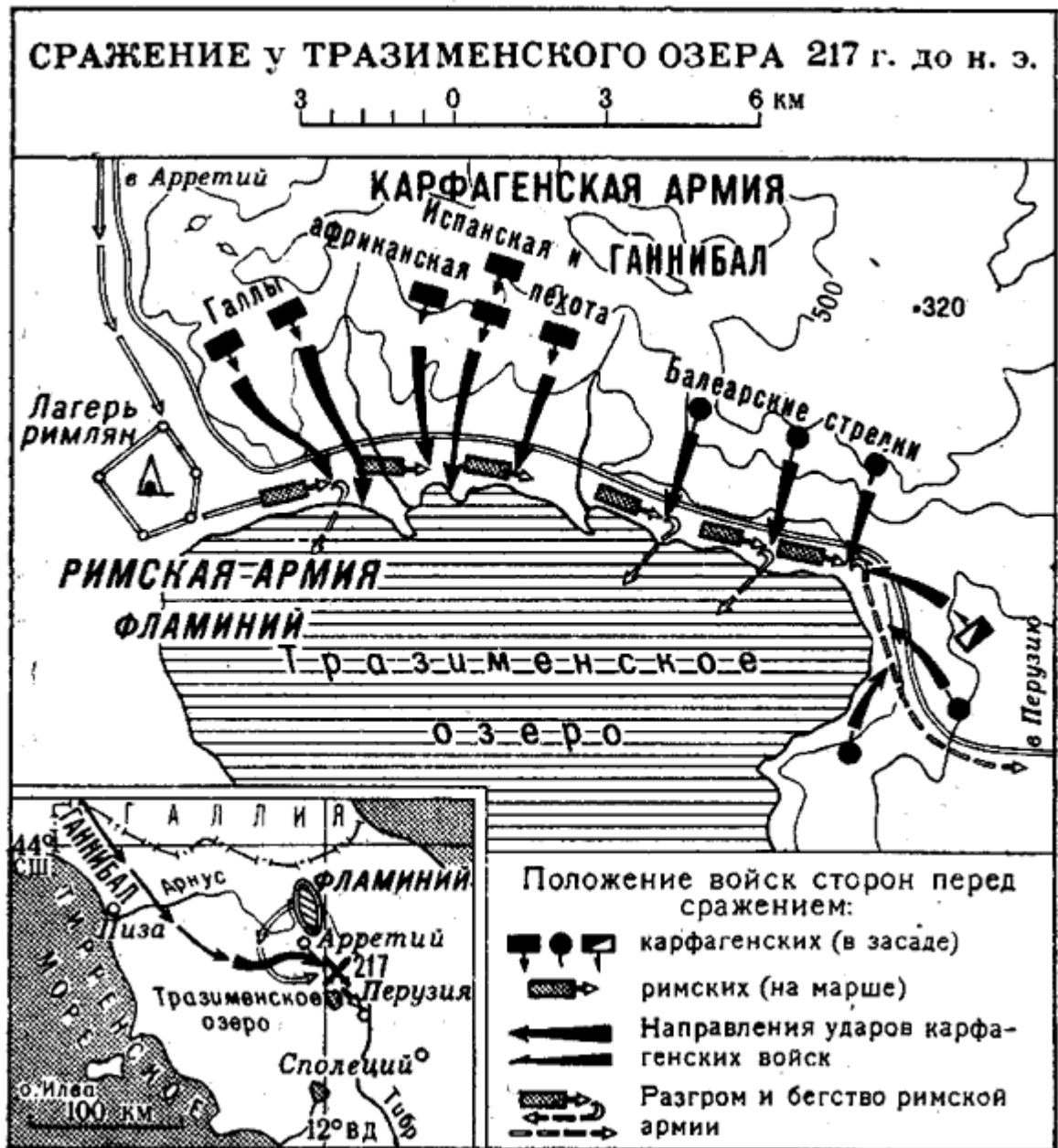
Карта 3

Задание по карте 3:

Проследите по карте маршрут движения карфагенского полководца Ганнибала.

Карта 4

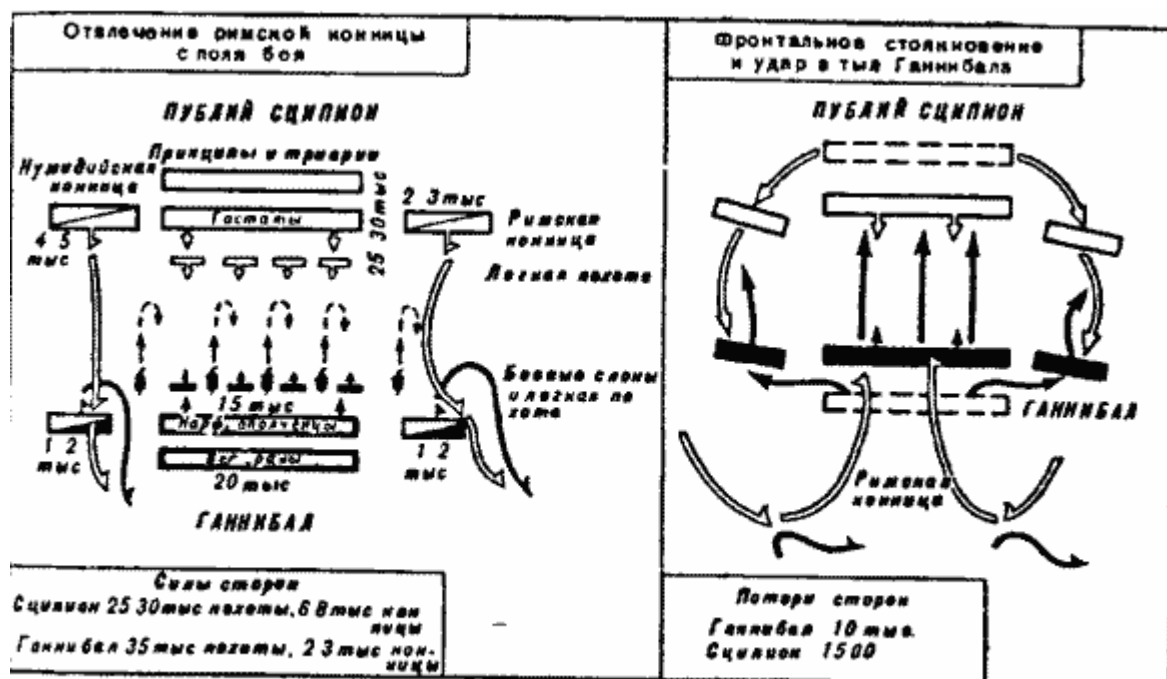
Задание по карте 4:

Определите по карте, у кого из сторон была более выгодная диспозиция. Почему?

Карта 5

Карта 6

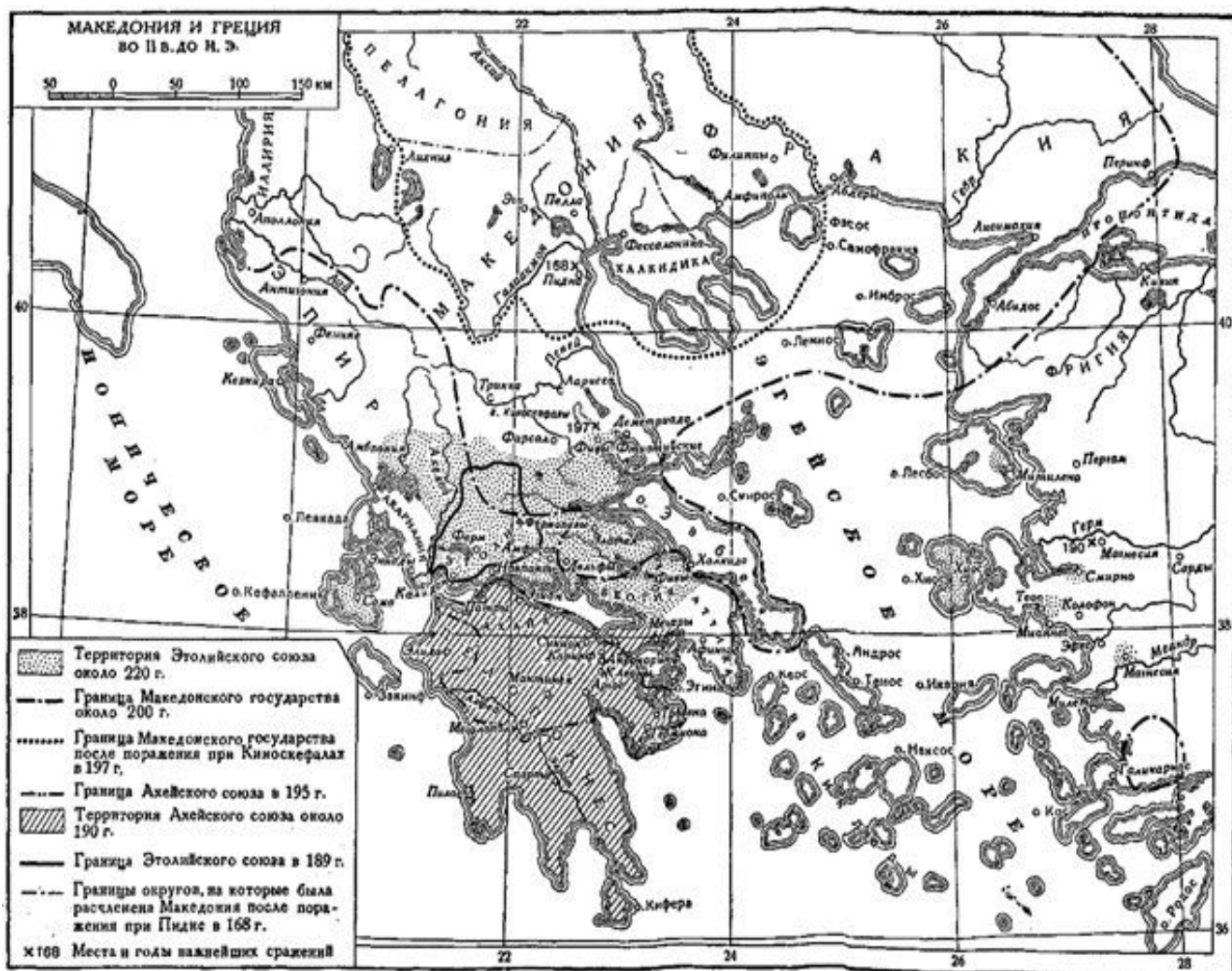

Бой при Заме в 202 году до н.э.

Задания по картам 5 и 6:

1. Сравните численное соотношение сторон в битвах при Каннах и Заме.
2. Определите, в каком из сражений конница римлян была более многочисленной.

Карта 7

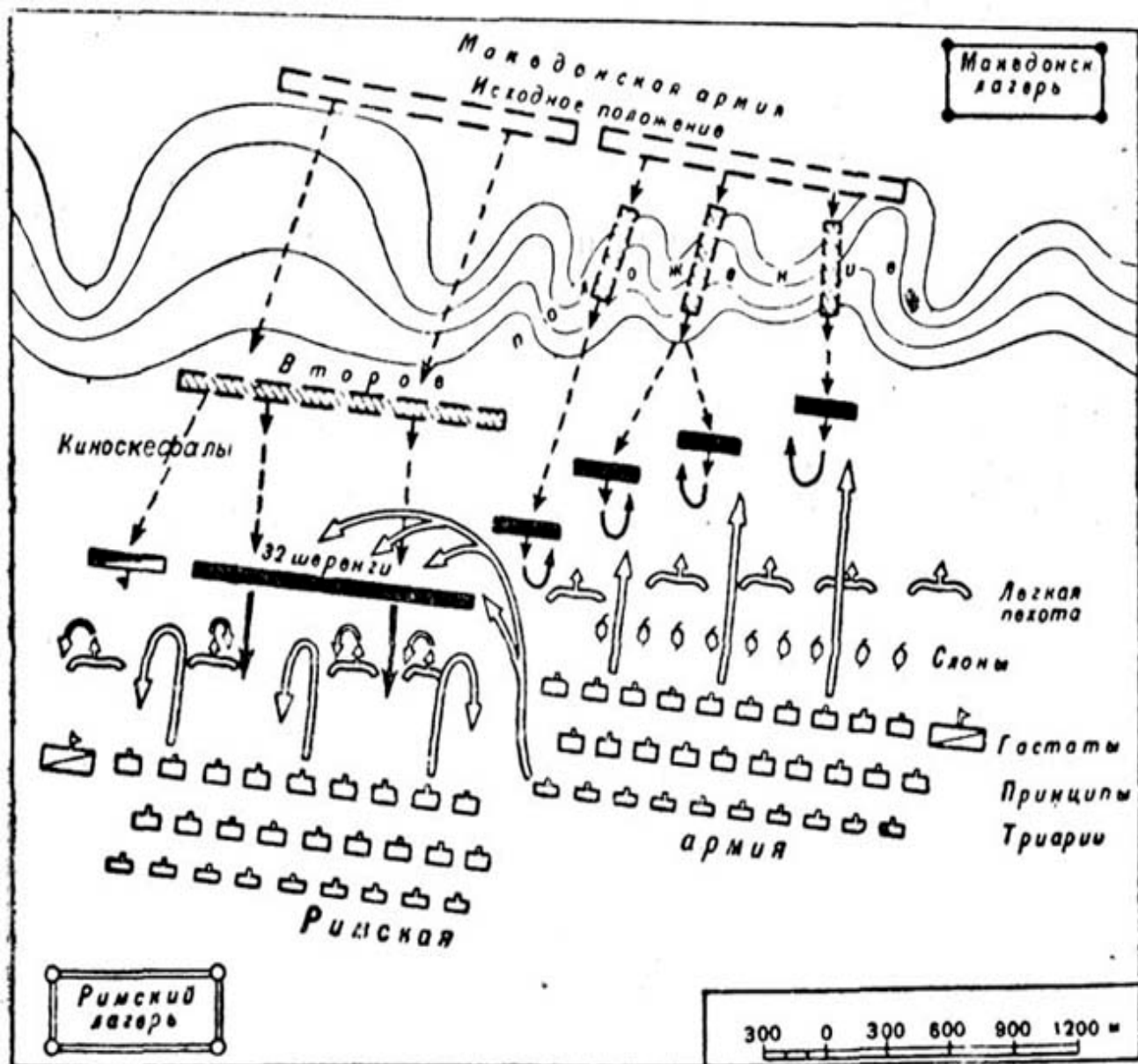

Задание по карте 7:

Найдите на карте места сражений при Киноскефалах, Фермопилах и Пидне.

Карта 8

Битва при Киноскефалах 197 г. до н.э.

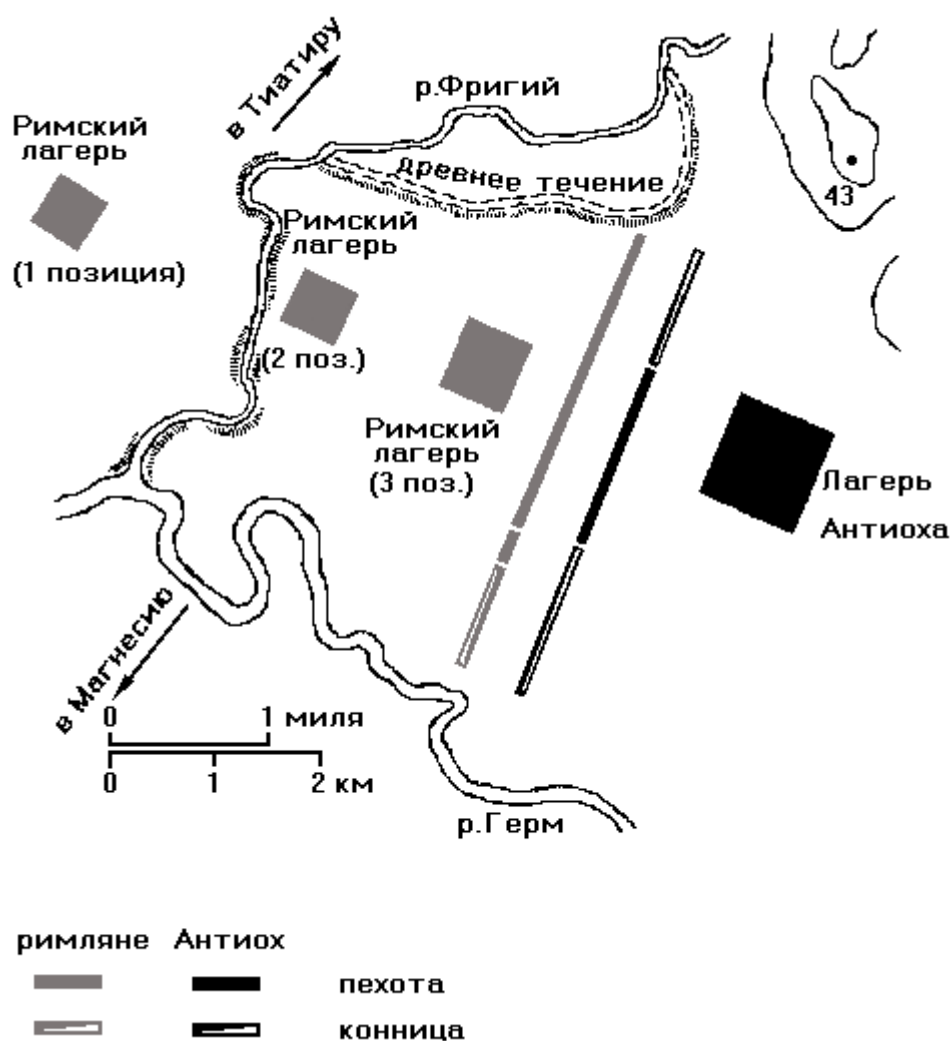

Задание по карте 8:

Проследите ход сражения, используя фрагмент источника на страницах 13-16.

Карта 9

Битва при Магнесии 190 г. до н.э.

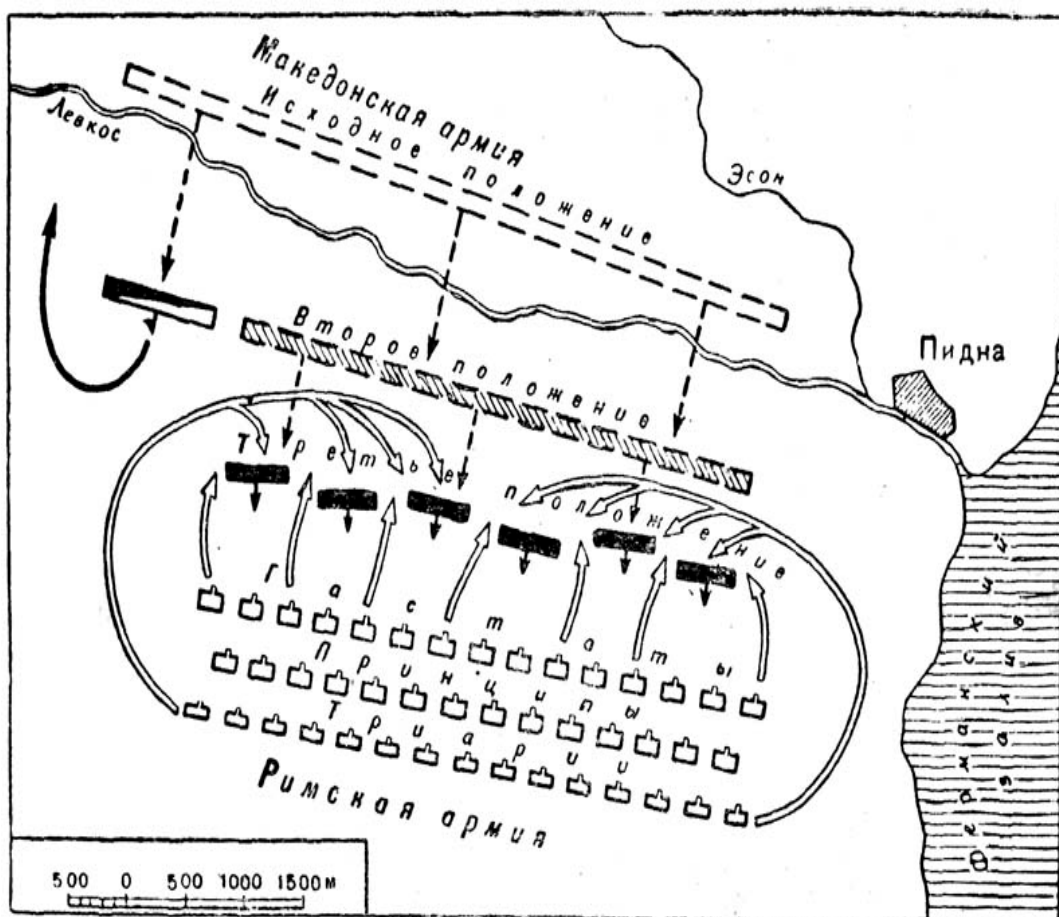

Задание по карте 9:

Определите противоборствующие стороны и назовите военную кампанию.

Карта 10

Битва при Пидне 168 г. до н.э.

Задание по карте 10:

Проследите ход сражения, используя фрагмент источника на страницах 16-17.

Карта 11

ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА 149—146 гг. до н.э.

Задание по карте 11:

Проследите по карте ход событий, используя фрагмент источника на страницах 21-22.